ИНО-
ДЕТЕКТИВ

ФЛЕТЧЕР НИБЕЛ
ЧАРЛЬЗ БЕЙЛИ

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ

Инодетектив

Флетчер Нибел

Семь дней в мае

«Алисторус»
1963

УДК 82-311.6
ББК 84стд1-445.7

Нибел Ф.

Семь дней в мае / Ф. Нибел — «Алисторус», 1963 — (Инодетектив)

ISBN 978-5-00269-166-1

Этот роман вышел в свет во время Карибского кризиса, когда страх перед ядерной войной достигал пика. Роман сразу попал в список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» и даже трижды его возглавлял. Президент Кеннеди, когда прочитал этот роман, сказал, что знает парочку генералов, которые не прочь были бы провернуть нечто подобное. …Только что заключен советско-американский договор о ядерном разоружении. Весь мир облегченно вздохнул, отойдя от края бездны. Но не всех в США устраивает такой ход событий. Американские «бешеные» готовятся захватить власть, чтобы установить в стране военную диктатуру. Заговор против президента и его правительства готовит группа высших генералов и высокопоставленных политических деятелей. Перипетии напряженной борьбы президента США с заговорщиками и составляют основное содержание книги.

УДК 82-311.6
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-166-1

© Нибел Ф., 1963
© Алисторус, 1963

Содержание

Воскресенье 6
Понедельник 24
Понедельник, вечер 42
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Флетчер Нибел, Чарльз Бейли
Семь дней в мае

© ООО «Издательство Родина», 2026
© Горский А. В., перевод, правообладатели, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Воскресенье

Стоянка автомашин, в этот час совершенно пустынная, тянулась от реки на север. Лишь кое-где тоненькая тень молодого клена оживляла удручающее однообразие залитого бетоном пространства. По соседству, в лагуне Потомака, словно наклеенные на зеркало, приткнулись к причалам небольшие суденышки. Поверхность реки казалась неподвижной; только там, где на нее падали лучи всходившего над куполами и крышами Вашингтона солнца, на воде искрилась легкая рябь.

Полковник Кейси поставил машину у входа в Пентагон со стороны реки. Рассеянно побрякивая ключами, он какое-то время брезгливо рассматривал свой старенький «форд». Что и говорить, вид у него жалкий: темно-синяя краска выцвела и побурела, стекла потрескались, крылья помяты и поцарапаны.

Кейси перевел взгляд на огромное здание. Пентагон возвышался мрачный и внушительный, с рядами одинаковых окон от угла до угла, лишенный какого бы то ни было намека на красоту и оригинальность, такой же мрачный и зловещий, как и дела, которые из года в год творились за его стенами.

К воскресному дежурству Кейси обычно относился с насмешливой покорностью. Но в это утро смутная тревога не покидала его все время, пока он ехал на службу.

Он никак не мог понять, что, собственно, его тревожит, хотя вообще-то причин было достаточно. Вся страна была в угрюмом настроении – озабочена договором о ядерном разоружении, опасается Москвы, рассержена затянувшейся забастовкой на ракетных заводах, обеспокоена безработицей и инфляцией, не совсем уверена в человеке из Белого дома. Лично его, Кейси, больше всего раздражала забастовка. Не далее как в пятницу генерал Сиджер, начальник ракетного центра Ванденберг, в ехидном, саркастическом тоне предупредил, что если забастовка не закончится в ближайшие дни, это серьезно отразится на производстве ракет «Олимп».

Пытаясь отделаться от дурного настроения, Кейси энергично зашагал через площадку для стоянки специальных машин. В поле его зрения то и дело попадали до блеска начищенные башмаки. Если за двадцать лет службы в морской пехоте человек и не научится ничему, подумал Кейси, то уж башмаки-то чистить его по крайней мере научат.

Полковник Мартин Дж. Кейси возглавлял объединенный штаб – группу из двухсот специально отобранных офицеров, занятых исследовательской работой и планированием для комитета начальников штабов. Раз в месяц, по воскресеньям, он дежурил в Пентагоне; дежурство это, крайне важное для всей системы военного командования, казалось ему невероятно скучным делом.

Кейси взбежал по широким ступеням со стороны набережной и открыл одну из высоких деревянных дверей. Часовой за столом отложил газету и взял протянутый ему пропуск.

– Не везет вам, полковник, – заметил он. – Чудесный денек, совсем не для работы, а?

Кейси направился в ту часть здания, где размещался штаб и на дверях висела большая табличка: «Вход по пропускам». Установленный здесь фотоэлемент привел в действие сигнал, оповестивший другого часового – моряка, главного старшину по званию, – он сидел за столом, на котором лежал журнал дежурств. Кейси расписался и в графе «Время прихода» поставил: 7:55.

– Привет, старшина. Все в порядке?

– Мертвый штиль, сэр, – ухмыльнулся часовой. – А вы предпочли бы, наверно, быть сегодня на площадке для гольфа?

Кейси никогда не мог понять, откуда у рядовых такая осведомленность о личных привычках офицеров. Он подмигнул моряку:

– Как и ты, наверно. Но кому-то же нужно нести вахту.

– Так точно, сэр, – ответил часовой и, чувствуя себя по случаю воскресенья несколько вольнее, добавил: – Да и работается лучше, когда начальства меньше.

Кейси прошел через лабиринт коридоров и кабинетов штаба. Некогда в нем работало до четырехсот офицеров во главе с генерал-лейтенантом, но за последние годы штат сократился вдвое и штаб превратился, по сути дела, в орган планирования при председателе комитета начальников штабов. Сегодня тут было так же безлюдно, как и внизу на автомобильной стоянке. Кейси услышал стук пишущей машинки и, судя по ее неуверенному ритму, решил, что какой-то офицер сам пытается напечатать ответ на залежавшийся документ.

Оказавшись в своем большом кабинете, Кейси окинул взглядом выцветшую зелень стен и окончательно утвердился в мысли, что он снова на службе, в холодной и мрачной громаде Пентагона. Он повесил китель и, со вздохом опустившись на стул, стал просматривать захваченные из дому воскресные газеты.

В «Вашингтон пост» полковник пробежал статьи двух комментаторов, ознакомился с результатами игр в бейсбол, потом взялся за «Нью-Йорк таймс» и подробно, не пропуская ни строки, начал читать обзор последних событий.

Повсеместно от Малайи до Милуоки происходили неприятности. Совещание промышленников Среднего Запада осудило заключенный договор; комитет каких-то граждан послал телеграммы всем членам конгресса, требуя призвать на военную службу бастующих рабочих ракетных заводов.

Но в каком бы кислом настроении ни находился мир, лично у него, Джигса Кейси, не было, в сущности, оснований хандрить. Он чувствовал себя здоровым и отдохнувшим. В свои сорок четыре года Кейси обладал не только прекрасным самочувствием, но и изрядной долей скептицизма. После окончания войны в мире так и не наступило успокоение, а если бы оно наступило, то кому бы тогда понадобился он, морской пехотинец? Его родина, к которой он относился со смешанным чувством любви и раздражения, ухитрилась благополучно просуществовать почти два столетия и, если повезет, поблагоденствует еще лет тридцать – примерный срок, в течение которого все происходящее еще будет затрагивать его лично. Однако сегодня утром Кейси не находил в себе обычной терпимости к ошибкам и заблуждениям своей страны. Он был встревожен, и ему это не нравилось.

Полковник морской пехоты США Мартин Дж. Кейси казался самому себе воплощением «живучести», если выражаться на жаргоне Пентагона. Он не отличался особой красотой, но когда-то женщины находили его неотразимым, да и теперь еще в разговорах называли симпатичным. Среди мужчин он пользовался уважением. Кейси был чуточку выше шести футов и сейчас, после года канцелярской работы, весил сто девяносто фунтов. По его расчетам, это было фунтов на десять больше, чем нужно, однако никаких признаков ожирения в его фигуре не замечалось. Прическа бобриком пока еще надежно прикрывала начавшую лысеть макушку. Спокойные зеленоватые глаза и короткая шея придавали ему солидность. Такими же солидными выглядели и его сыновья, фотография которых стояла на письменном столе.

Кейси не относился к числу бескорыстных рыцарей истины и добра и не блистал особым умом. В военно-морском училище в Аннаполисе, не проучившись еще и года, он понял, что оба эти качества совсем не обязательны для преуспевающего военного. И все же он был хорошим, храбрым морским пехотинцем и надеялся уйти в отставку бригадным генералом. Если бы его спросили, почему он не претендует на большее, он ответил бы: «Для Кейси и этого хватит».

Почти час потребовался ему, чтобы прочитать «Таймс». Все это время, как он и ожидал, его никто не беспокоил. Раз в месяц, по воскресеньям, Кейси приходилось дежурить, чтобы поднять тревогу, если вспыхнет война или разразится стихийное бедствие, ответить на телефонный звонок из Белого дома или какого-нибудь конгрессмена, однако, как правило, ничего этого не происходило. Правда, однажды звонили из Белого дома, но по какому-то пустяку,

так что Кейси даже не запомнил, о чем шла речь. Конгрессмены звонили чаще; приходилось кратко записывать суть их претензий – чтобы в понедельник утром кто-нибудь ими занялся – и в ответ выражать, если требовалось, интерес, сочувствие или озабоченность.

В то время как Кейси просматривал почту, в кабинет, как всегда бесцеремонно, ввалился младший лейтенант военно-морского флота Дорси Хаф: по воскресеньям Хаф регулярно дежурил в шифровальном отделе, через который проходили все радиограммы Пентагона. Хаф был обязан шифровать и расшифровывать секретные документы. И сейчас он держал в руке пачку тонких бумаг – копии телеграмм, присланных командующими американскими войсками за границей в комитет начальников штабов.

– Ни черта интересного, полковник, – сообщил Хаф. – Все самое обыденное.

Он бросил телеграммы на стол, плюхнулся в соседнее кресло и, казалось, дремал, пока один из солдат караульного подразделения не принес по приказанию Кейси два больших кофейника из белого фаянса.

Дорси Хаф постоянно сутулился, рот у него был вечно полуоткрыт, словно он вот-вот начнет зевать. Он представлял собой тот тип офицера, к которому Кейси относился, как говорила его жена Мардж, слишком прохладно. Военно-морской флот интересовал Хафа разве что чуточку больше, чем весь остальной мир. Кейси давно уже решил, что позолоченные дубовые листья капитана 3-го ранга никогда не украсят козырька фуражки Хафа. Однако во время воскресных дежурств у Кейси обычно не было срочной работы, и потому болтовня с Хафом стала для него своего рода привычкой.

– Ну, Дорси, что новенького? – спросил он. – Помимо девочек, разумеется.

– Да вот вчера вечером потратил на одну двадцать долларов, – ответил Хаф, как бы не слыша последних слов Кейси. – Да только ничего не получилось. Пустой номер… Да, должно быть, у нашего Джентльмена Джима на скачках в Прикнессе участвует лошадка. Если же нет – тогда непонятно, зачем он так старается собрать ставки со своих дружков?

Кейси рассеянно подумал, что на месте Хафа, будучи младшим офицером, он никогда бы не назвал председателя комитета начальников штабов так фамильярно в присутствии старшего офицера, к тому же непосредственного подчиненного председателя. Джентльменом Джимом называли генерала военно-воздушных сил Джеймса Меттуна Скотта, кавалера креста «За боевые заслуги», медали «За выдающиеся заслуги» и креста «За летные боевые заслуги» с двумя дубовыми ветками. Судя по всему, он был самым популярным лицом в военно-воздушных силах и, вероятно, вообще в стране, и это не на шутку тревожило друзей президента. Блестящий офицер. Скотт обладал тем сочетанием добродушия, сильной воли и обаяния, которое люди считают признаком каждого выдающегося руководителя. Свое прозвище он получил еще в средней школе за безупречную внешность и за редкую способность на лету усваивать манеры взрослых.

– Адъютант генерала полковник Мердок принес мне телеграмму в семь двадцать пять утра, я еще и глаза не успел как следует продрать. – Кейси слушал болтовню Хафа краем уха. – На ней было целых пять адресов, и все о какой-то ставке на скачках в Прикнессе. Вот если бы бюджетная комиссия конгресса узнала, какие телеграммки проходят через мои руки, особенно по воскресеньям!

Кейси взглянул на развалившегося в кресле Хафа.

– Ну, в лошадях-то генерал Скотт разбирается, – лениво заметил он. – На какую же он хочет ставить?

– Об этом там ничего не говорилось, речь шла только о каких-то заявках на его имя и о том, чтобы они не опоздали с ними.

Хаф порылся в кармане своей свеженакрахмаленной рубашки («По крайней мере хоть рубашки у него чистые», – подумал Кейси), достал телеграфный бланк и прочитал вслух:

– «Последняя заявка ежегодный пул в Прикнессе. Уже вручил свои десять долларов Мердоку. При равном количестве очков ваш выбор выиграет, если пройдет на несколько корпусов вперед. Срок взноса – пятница семнадцать ноль-ноль по Гринвичу. Начало заезда – суббота восемнадцатого мая девятнадцать ноль-ноль по Гринвичу. Скотт».

Кейси протянул руку за телеграммой. Он заметил, что она написана рукой Хафа, и решил прочитать ему небольшую нотацию.

– Черт возьми, Дорси! Вы же знаете, что правила секретного делопроизводства запрещают снимать копии с шифровок.

Но Дорси и бровью не повел.

– Вот будет номер, полковник, – протянул он, – если соберут офицерский суд и накажут меня за разглашение букмекерских махинаций Джентльмена Джима на тотализаторе!

Кейси не смог сдержать улыбку.

– Скотт, должно быть, по привычке занимается этими махинациями раз в году. Кто же значится у него в списке простаков?

Хаф в шутку отдал честь.

– Сэр, докладываю, что я зашифровал «голубым» шифром, то есть личным шифром председателя комитета начальников штабов, телеграммы следующим нижепоименованным генералам и адмиралам: начальнику ракетного центра Ванденберг генералу Джорджу Сиджеру, Калифорния; командующему стратегической авиацией генералу Теодору Ф. Дэниелу, Омаха; командующему 6-м флотом вице-адмиралу Фарли К. Барнсуэллу, Гибралтар; главнокомандующему вооруженными силами на Тихом океане адмиралу Топпингу Уилсону, Пирл-Харбор; командиру 1-го воздушно-десантного корпуса генерал-лейтенанту Томасу Р. Хастингсу, Форт-Брэгг.

Кейси что-то буркнул – он уже устал и от самого Хафа, и от его болтовни, потом потянулся к пачке телеграмм, принесенных молодым офицером. Каждую из них нужно было зарегистрировать, прочитать и пометить, кому передать завтра утром для исполнения.

– Ладно, проваливайте, Дорси, – сказал он. – Встретимся позднее.

Входящие телеграммы касались самых разных сторон армейской жизни. Полковник Суэйн, откомандированный из посольства в Буэнос-Айресе и направляющийся в Вашингтон за новым назначением, просит разрешения обратиться лично к генералу Скотту… Начальник штаба главнокомандующего вооруженными силами на Тихом океане контр-адмирал Ле Мастерс требует уточнить, означает ли директива комитета начальников штабов 0974/АР4 от 23.04.1974, что по воскресеньям и праздникам количество патрулирующих подводных лодок нужно увеличивать вдвое… Командир базы ВВС США в Лагенсе на Азорских островах бригадный генерал Келли просит комитет начальников штабов потребовать от министерства обороны отменить ограничение отпуска спиртных напитков офицерскому клубу, поскольку это отрицательно сказывается на моральном состоянии личного состава базы… Командир 101-й воздушно-десантной дивизии из Форт-Кемпбелла просит разъяснить пункт «с» параграфа 15 директивы комитета начальников штабов, в которой критиковались действия воздушно-десантных частей во время последней тревоги…

У Кейси вошло в обычай самому отвечать на некоторые запросы во время воскресного дежурства. Это, кстати, позволяло ему хотя бы отчасти знакомиться с поступающими в его аппарат документами в их первоначальном виде. Вот и сейчас он придвинул пишущую машинку и напечатал в трех экземплярах ответы на некоторые телеграммы – обычные канцелярские запросы, на которые, по разрешению членов комитета начальников штабов, он мог отвечать сам. Остальные, те, что требовали ответов кого-нибудь из членов комитета начальников штабов, он сложил в специальную папку. На каждом документе Кейси указал время поступления, а на некоторых проставил номер соответствующего приказа или директивы. В

процессе этой работы ему приходилось заглядывать в большие папки, хранившиеся в его личном сейфе, и документы, которые имели гриф «Совершенно секретно».

Время подходило к полудню, когда Кейси покончил с делами и, захватив большой конверт с подготовленными ответами, отправился в шифровальную. Но сначала ему нужно было, как всегда, наведаться в центральный пункт управления комитета начальников штабов. В этой огромной комнате, сплошь увешанной различными картами, офицеры несли круглосуточное дежурство, обслуживая высшее командование вооруженных сил страны. Линии связи соединяли пункт управления более чем с сотней основных командных пунктов, включая командование стратегической авиации близ Омахи, объединенное командование ПВО североамериканского континента в Колорадо-Спрингс и штаб вооруженных сил НАТО в Париже. На отдельном столике стояли телефоны – позолоченный и красный – для немедленной передачи боевых приказов в случае возникновения войны.

Кейси немного поболтал с дежурным офицером. Судя по картам, нигде не проводилось никаких учений, если не считать одного из районов в южной части Тихого океана, очерченного красным карандашом, где шесть атомных подводных лодок начнут завтра учебные стрельбы ракетами «Поларис». Кейси пробыл на центральном пункте всего несколько минут.

Проходя по главному коридору Пентагона, он остановился у окна и взглянул на залитый солнцем внутренний дворик. Сочетание маленькой деревянной беседки, оплетенной вьющимися растениями, и высоких бетонных стен превращало его в какой-то странный гибрид сельского парка с тюремным двором для прогулок.

«Пусть в мире царит хаос, – подумал он, – а все-таки денек сегодня выдался на славу». На скамейке внизу сидели какой-то парень в рубашке без пиджака и девушка. «А ножки у нее ничего, – отметил Кейси. – Интересно, почему у нас тут работают почти одни старые девы? Может, они лучше хранят секреты?»

Он не торопился отойти от окна. Ласковое майское солнце хозяйничало во дворе. Несколько пушистых облачков на юго-западе лишь оттеняли ясную голубизну неба. В такой день человек невольно начинает мечтать о своем уголке где-нибудь за городом, о кресле под развесистым тенистым деревом и еще, быть может, о паре лошадей.

«Лошади… Значит, Джентльмен Джим играет в тотализатор в Прикнессе? – улыбнулся Кейси. – Убаюкивает подчиненных ему военачальников болтовней о скачках, назначенных на тот самый день, когда состоится учебная тревога под названием “Всеобщая красная”».

Последняя такая тревога, проведенная полтора месяца назад, по общему признанию, прошла из рук вон плохо. Две группы десантных войск оказались захваченными в порту врасплох, причем половина судов, как выяснилось, имела мелкие неисправности, которые можно было устранить еще несколько недель назад. Только немногим больше трети самолетов стратегической авиации поднялось в воздух вовремя. По меньшей мере из шести заграничных баз в печать просочились сведения о начавшейся в них неразберихе. Президент Лимен дважды звонил по телефону, спрашивал, в чем дело, и Скотт, хотя он редко терял самообладание, совершенно вышел из себя.

Вот тогда-то и было принято решение провести еще одну учебную тревогу – на этот раз ее точное время держалось в строгом секрете. Комитет начальников штабов установил день и час тревоги в четверг на прошлой неделе, о чем, кроме членов комитета и президента, знали только Кейси и личный адъютант Скотта полковник Джордж Мердок. Дата была выбрана самим Скоттом: суббота 18 мая, 19:00 по Гринвичу, или 15: 00 по вашингтонскому времени.

О предстоящей тревоге не знал даже министр обороны. Кейси специально интересовался этим у Скотта, и тот ответил, что таково распоряжение президента. За последнее время отношения между президентом и министром становились все более натянутыми, и, возможно, Лимен решил захватить его врасплох.

По мнению Кейси, предстоящая в субботу тревога была призвана доказать эффективность мероприятий, в срочном порядке осуществленных после мартовского конфуза. Не случайным был и выбор времени: он должен показать, поддерживают ли командиры на местах постоянную боевую готовность вверенных им частей. В субботу в 15:00 по вашингтонскому времени большинство воинских частей и учреждений на территории Соединенных Штатов будут отдыхать, как всегда в мирное время, в конце недели. Если бы какой-нибудь потенциальный противник и вздумал совершить неожиданное нападение, то можно с уверенностью сказать, что это произошло бы в субботу или воскресенье.

Теперь Скотт усыплял бдительность пятерых своих высокопоставленных подчиненных успокоительным средством в виде телеграммы о скачках в Прикнессе и, конечно, не случайно приурочил «начало заезда» к началу тревоги. «Неплохо придумано, – решил Кейси. – Найдутся такие, кто еще больше успокоится, полагая, что Скотт уехал на скачки».

Девушка, нежившаяся на солнце во внутреннем дворике, небрежно склонила голову на плечо своему спутнику. Кейси отвернулся от окна и прошел по коридору в шифровальную, у дверей которой тоже стоял часовой. Здесь хозяйничали преимущественно моряки. Четверо из них сидели с наушниками за машинками. Выкрашенная в черный цвет дверь, на которой большими белыми буквами было написано «Вход воспрещен», вела в криптографический центр, где Хаф проводил большую часть времени. Впрочем, сейчас он находился в соседней комнате и, склонившись над письменным столом, рассматривал комиксы в воскресной газете.

– Алло, полковник, – обратился он к Кейси. – У вас есть работенка для моих тигров?

Кейси передал ему пакет. Порывшись в нем, Хаф отобрал те телеграммы, шифровать которые входило в его обязанности, а остальные роздал подчиненным. Кейси кивнул и хотел уже выйти, но Хаф придержал его за локоть:

– Взгляните-ка, полковник.

Он подал Кейси лист тонкой бумаги – копию входящей телеграммы. В ней говорилось:

«КНШ ВАШИНГТОН СКОТТУ НЕ СТАВЛЮ ОДНАКО КАК ВСЕГДА С НАИЛУЧШИМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ КОМ ФЛОТА ШЕСТЬ БАРНСУЭЛЛ».

– Это лишь доказывает, что иногда и адмирал не может наскрести десяти долларов, чтобы сделать ставку, – заметил Хаф. – А может, он не хочет подать дурной пример личному составу флота?

– Если вы не прекратите совать свой нос в дела Скотта, – сказал Кейси, – возможно, все кончится тем, что вас в назидание другим отправят на Алеутские острова.

– Будет вам, полковник! Для меня достаточно и Гавайских. Пожалуй, в Пирл-Харборе совсем неплохо. Как раз сегодня утром я посоветовал Мердоку оставить в покое лошадок своего шефа и сделать благое дело для этого паршивого городишки – устроить мой перевод на острова. Уж тогда-то неразберихи тут станет куда меньше, правда?

– Правда-то правда, Дорси, но разве мы прогневались за что-то на Гавайские острова? А вот на Алеутских островах вы бы пригодились.

Кейси не спеша пересек вестибюль и зашел в столовую для старших офицеров, почти безлюдную в этот день, как и все здание. За одним из столов расположилась группа офицеров – моряков и летчиков. В дальнем углу в одиночестве сидел какой-то армейский офицер. Завидев Кейси, он привстал и помахал рукой.

– Хэлло, Джигс!

Приятно удивленный этой встречей, Кейси поспешил подойти. Последний раз он и его приятель подполковник связист Матт Гендерсон виделись года три назад, во время войны в Иране. Теперь, судя по знакам различия, он был уже полковником. Полковник Уильям М. Гендерсон.

– Привет, Матт! Когда ты успел схватить этих птичек? – Кейси ткнул в погон Матта, потом похлопал его по спине. – Рад тебя видеть. Каким ветром занесло к нам?

– Должен же кто-то время от времени подстегивать вас, тыловиков, – ответил Гендерсон. У него были большие черные глаза, на круглом багровом лице играла знакомая Кейси хитроватая усмешка.

Кейси заказал сандвич и стакан чаю, и приятели уселись за столик, внимательно рассматривая друг друга.

«Вот что мне нравится в военной службе, – подумал Кейси. – У штатского найдется самое большое три-четыре близких приятеля, а военный насчитывает их дюжинами. Где бы ни пришлось служить, всегда найдется офицер или сержант, с которым ты вместе пережил несколько опасных минут, делил скуку армейской жизни, бутылку виски, а может, и девушку. Твое прошлое всегда при тебе, ибо всюду находятся те, кто знает всю твою подноготную».

Кейси и Гендерсон в свое время тоже делили и скуку, и опасность, и бутылку. Впервые они встретились как-то ненастной ночью в Иране, когда Гендерсон, волоча за собой порванный провод полевого телефона, сполз в стрелковую ячейку, из которой Кейси пытался управлять действиями своего батальона. Затем их подразделения в течение нескольких месяцев были расположены по соседству, и они стали друзьями.

Кейси откусил кусочек сандвича и наклонился к приятелю:

– Ну хорошо, Матт, рассказывай. Где ты сейчас служишь?

– Вот уже месяца четыре я уклоняюсь от ответа на этот вопрос, – тихо ответил Гендерсон. – Но ты тут допущен к таким секретам, что не можешь не знать. Черт возьми. Джигс! Да ведь мое назначение проходило, наверно, через тебя. Я же начальник штаба ОСКОСС.

Кейси усмехнулся с понимающим видом. Он никогда не слышал об ОСКОСС, но если чему-нибудь и научился после училища в Аннаполисе, кроме чистки башмаков, так это не показывать виду, что чего-то не знаешь. Правда, теперь, когда ему приходилось постоянно держать в голове даже точное местонахождение каждой термоядерной боевой части в стране, оставалось мало такого, чего бы он не знал. Начальник объединенного штаба комитета начальников штабов не смог бы работать продуктивно, если бы не знал таких деталей. Кейси подумал, что Гендерсон употребил местное название какой-нибудь части, известной ему, Кейси, в комитете под своим подлинным наименованием, и решил осторожно порасспросить приятеля.

– Так, значит, тебе не нравится твой пост, дружище? Но я тут, между прочим, совершенно ни при чем. А живешь там же, на базе?

– Бог мой, конечно нет! – фыркнул Гендерсон. – Кто может жить в такой дьявольской дыре! Хватит уже того, что этот сукин сын шеф заставляет меня торчать там по четыре-пять дней. Нет, у нас с Мейбл есть небольшой домик в Эль-Пасо.

Гендерсон вытащил из кармана блокнот и что-то записал на листке.

– Вот тебе мой домашний телефон. Может, когда окажешься в наших краях?

– Ты же знаешь, на всей базе «У» нет внешних телефонов, только личный у начальника.

– Говорят, для деревенского парня ты неплохо поставил дело, – продолжал Кейси, все еще пытаясь что-нибудь разузнать. – Сколько у тебя сейчас людей? По-моему, у вас все еще некомплект?

– Нет, штат у нас полный – сто офицеров и три с половиной тысячи солдат. Последнее пополнение прибыло недели две назад. А знаешь, Джигс, странные у нас происходят вещи. Мы больше учим солдат тому, как штурмовать различные объекты, а не как их защищать. Если бы я не знал, как обстоят дела в действительности, то мог бы подумать, что кое-кто из окружения Скотта прямо-таки пораженец. Такое впечатление, что противник уже что-то захватил и нам предстоит отбивать захваченное.

«Скотт что-то скрывает от меня, – подумал Кейси. – Или держит в строжайшем секрете по приказу президента. Но что это может быть? Какой-нибудь центр по подготовке диверсантов?»

– Предусмотрительность, Матт, предусмотрительность! – ответил он, маскируя бодрым тоном свое любопытство. – Можешь сказать там, у себя, что Вашингтон всегда смотрит вперед, даже когда ошибается… Долго ты намерен пробыть здесь?

– Только до завтра, – поморщился Гендерсон. – Мой шеф докладывает Скотту, ну а я тут на всякий случай, если вдруг потребуется какая-нибудь справка. У нас здесь каморка с телефоном на пятом этаже. – Он достал из кармана рубашки клочок бумаги и заглянул в него. – Телефон семь – двадцать два – девяносто один, если я тебе понадоблюсь. Мы улетаем завтра вечером.

Кейси подмывало спросить, кто начальник Матта, но он не решился: Гендерсон, несомненно, уверен, что Кейси обязан это знать. Он переменил тему разговора, и друзья заговорили о своих семьях, о войне и политике. Так же, как и в Иране, когда им впервые стало известно о разделе этой страны, они вновь сошлись на том, что не было в истории американской дипломатии более позорной страницы, чем согласие на этот раздел. Кейси и Гендерсон принадлежали к тем американцам, которые на выборах 1972 года подавляющим большинством провалили кандидата в президенты от республиканцев Эдгара Фрейзиера, причем именно вокруг вопроса о разделе Ирана развернулась тогда самая ожесточенная борьба.

– Джордан Лимен привлек меня на свою сторону своим первым же выступлением, – продолжал Гендерсон. – Это первый демократ, за которого я голосовал. Никогда не забуду его слов: «Мы будем спорить до бесконечности, но отныне никогда, нигде и никому не уступим ни клочка нашего свободного мира».

– Верно, верно, – согласился Кейси улыбаясь. – Но я и до него голосовал за демократов.

– А вот сейчас я снова начинаю беспокоиться. Намерен ли он и впредь придерживаться своего заявления? По-моему, новый договор ни черта не стоит, да и вся страна, если судить по тому, что я читаю и слышу, тоже от него не в восторге.

– Договор подписан и ратифицирован, – ответил Кейси. – Возражать теперь бессмысленно. Но если ты хочешь знать, что думают некоторые о президенте, обратись завтра к Скотту. Уж он-то все уши тебе прожужжит.

– Ну, с генералами я не разговариваю… пока, – засмеялся Гендерсон и поднялся из-за стола. – Только выслушиваю их.

По брошенному жребию платить по счету выпало Кейси, и они расстались. Гендерсон пошел к себе наверх, а Кейси вернулся в свой кабинет.

Он снова подумал об ОСКОСС и в поисках какого-либо упоминания о нем не меньше часа безрезультатно листал приказы и распоряжения комитета начальников штабов за прошедший год. «Ну что ж, – решил он, – Скотт сам скажет, когда найдет нужным».

Зазвонил телефон. Кейси с удовлетворением отметил, что за сегодняшнее дежурство телефон в первый раз дает о себе знать. В трубке послышался мягкий голос полковника Мердока. Как обычно, адъютант председателя комитета проверял несение воскресных дежурств.

– Ничего интересного, полковник, – доложил Кейси. – За весь день только раз произошел шумок, да и то целиком по вашей вине. Молодой Хаф ходит сам не свой из-за ваших скачек.

Как Кейси и ожидал, его слова вовсе не рассмешили Мердока.

– Надо заткнуть этому болтуну рот, – сердито бросил он.

– Все мы свободно вздохнем, если вы убедите генерала Скотта отправить его в Пирл-Харбор, – шутливо подсказал Кейси.

– А вы, пожалуй, правы, – вполне серьезно согласился Мердок. – Черт бы его побрал! Вмешиваться в личные дела генерала!

– Так я ему и сказал, полковник. Но вам, как образцовому адъютанту, вероятно, придется проверить кредитоспособность адмирала Барнсуэлла. Похоже, он не наскребет у себя в кармане и десяти долларов.

На другом конце линии наступило молчание, а когда Мердок заговорил снова, его голос уже не напоминал, как обычно, вкрадчивого мурлыканья, в нем слышались ледяные нотки:

– Я весь день буду дома на тот случай, если произойдет что-нибудь особенное. – На последнем слове Мердок сделал ударение, достаточно сильное, чтобы Кейси мог понять, что Мердок не одобряет его попыток шутить.

– Ваше имя, полковник, значится в списке тех, кому я должен буду позвонить, – ответил Кейси и, не прощаясь, положил трубку. Как всегда, Джорджу Мердоку удалось вывести его из себя. Кейси никогда не уважал тех, кто во имя карьеры услужливо распахивал двери перед начальством и таскал за ним портфели, а Мердок к тому же делал это с какой-то вызывающей деловитостью.

Кейси повернул диск сейфа, повесил на его ручку красный ярлык «Открыто» и вынул папку с планом тревоги. На верхней обложке папки, между двумя грифами «Совершенно секретно», было написано: «Всеобщая красная 74-2». Несомненно, на этой неделе Скотт ничем другим заниматься не будет, и Кейси решил, что не мешает еще раз тщательно ознакомиться с планом тревоги. Он принялся читать – медленно, стараясь запомнить каждое слово.

В субботу, в 10 часов, президент отправится в Кэмп-Дэвид; там в горах Мэриленда он иногда проводит конец недели. После краткого отдыха он в своем вертолете полетит на юг, где в Маунт-Тандере, среди Голубых гор Виргинии, находится подземный командный пункт. Все пять членов комитета начальников штабов, каждый в своей машине, прибудут туда же не позже 11:15, незадолго до президента. Мердок поедет со Скоттом, а Кейси должен был ехать один.

Когда президент и начальники штабов прибудут на место, состоится совещание, на котором будут оглашены «разведывательные данные» о том, что не исключена возможность враждебных действий со стороны Советского Союза. Совещание проводит Скотт. В обусловленное время – около 14:45 – выяснится, что, по данным системы дальнего обнаружения, с советских стартовых площадок поднимаются ракеты. С этого момента, по существу, и начнется тревога, причем Скотт и начальники штабов отдадут приказ привести в действие аварийные линии связи.

В 15:00 президент Лимен даст сигнал тревоги «Всеобщая красная». Если все пойдет нормально, ракеты на базах будут в течение пяти минут оснащены боевыми частями, в течение десяти минут все бомбардировщики стратегической авиации поднимутся в воздух, все противоракетные системы «Найк-Зевс» будут оснащены боевыми частями и начнут сопровождение целей, а корабли военно-морского флота будут либо выходить из баз в море, либо готовиться к выходу. По одному полку от каждой из воздушно-десантных дивизий армии, дислоцированных в Форт-Брэгге и Форт-Кемпбелле, будет погружено в самолеты, с тем чтобы в течение тридцати минут подняться в воздух. Истребители-перехватчики ПВО, вооруженные ракетами «воздух-воздух», через десять минут после получения приказа должны быть в воздухе на высоте 50 тысяч футов.

В плане подробно перечислялись задачи всех видов вооруженных сил. На бумаге выходило, что стране потребуется всего лишь несколько минут, чтобы подготовиться к отражению нападения. Только проверка могла показать, реален ли этот план.

Во время тревоги предполагалось проверить также, насколько действенной окажется система контроля над основными средствами связи. Простым переключением рубильника в Маунт-Тандере все радиовещательные и телевизионные станции будут поставлены под контроль главного командования. Поскольку тревога носит учебный характер, это будет означать лишь тридцатисекундную паузу в радио- и телепередачах. На экранах телевизоров появится объявление: «Перерыв по техническим причинам», причем он будет длиться ровно столько,

сколько потребуется главному командованию, чтобы убедиться в действенности системы централизованного управления. В случае действительного нападения все радио- и телевизионные станции будут ждать выступления президента. Во время последней тревоги система централизованного управления работала безотказно, – пожалуй, единственное, что удалось выполнить из намеченных мероприятий.

В приложенном к плану списке указывалось, кого из официальных лиц следовало уведомить в случае тревоги. Список был короче обычного, и Кейси в специальном примечании объяснял, чем это вызвано. Вице-президент Джианелли отправится в это время в Италию с миссией доброй воли. Конгресс – в связи с прениями по договору, он не прерывал своих заседаний даже на время пасхальных каникул – будет распущен со среды 15 мая до понедельника 27 мая.

Кейси все еще размышлял над планом, когда пришел офицер, заступавший на дежурство после него, с 16:00. Кейси торопливо захлопнул папку и убрал ее в сейф, почувствовав себя неловко: Фрэнк Шнейдер был таким же проверенным человеком, как и он сам, но даже малейшее нарушение секретности могло свести на нет тщательно разработанный план. Ничто так быстро не разносится по Пентагону, как слушок о предстоящей операции. Шнейдер, сделав вид, что он ничего не заметил, даже не взглянув на сейф, принялся невозмутимо рыться в письменном столе.

Машин на стоянке было еще меньше, чем утром, и Кейси уныло подумал, что его старенький «форд» выделяется среди них, как солдат, идущий не в ногу со строем. Он нажал стартер, мотор чихнул, а когда Кейси перевел рычаг коробки скоростей, закашлял, словно простуженный.

«Черт бы побрал этих штатских, окопавшихся в правительстве!» – думал Кейси, сворачивая с Арлингтонского бульвара. С тех пор как он, новоиспеченный второй лейтенант[1], только что окончивший училище в Аннаполисе, отправился в Корею, правительство одну за другой отменяло надбавки военным, подрывая престиж армии. Уже не существовало доброй половины прежних дополнительных льгот. За двадцать лет только дважды назначалась кое-какая прибавка к жалованью. Если бы Кейси вовремя не произвели в полковники, он бы давно демобилизовался и зарабатывал куда больше. Некоторые из его бывших сослуживцев сейчас загребают тысяч по тридцать в год. А он едва-едва сводит концы с концами, с трудом выплачивает ежемесячные проценты по закладной на дом и ездит на своей развалюхе вот уже года два сверх отпущенного ей срока. Если бы Мардж не имела некоторых средств, унаследованных от матери, она не смогла бы даже прилично одеваться здесь, в Вашингтоне.

Пентагон подготовил новый законопроект о повышении жалованья военнослужащим и о восстановлении некоторых отмененных ранее льгот. Кейси знал, что Скотт настойчиво рекомендовал президенту внести на рассмотрение конгресса соответствующий законопроект, однако Лимен пока уклонялся.

Можно ли удивляться тому, продолжал мрачно размышлять Кейси, что люди недоумевают, отчего так пал моральный дух войск, почему так мало желающих остаться на сверхсрочную службу и почему так низка боеспособность армии. Что ж, если бы Господь Бог не обделил штатских здравым смыслом, им не понадобилось бы ни вооружение вообще, ни морская пехота в частности.

Ребята играли на площадке перед гаражом в баскетбол, когда Кейси подъехал к домику в Арлингтоне – они с Мардж купили его после того, как Кейси получил назначение в Пентагон. Шестнадцатилетний Дон, ростом с отца, считался одним из лучших в команде своей школы. Билл, двумя годами младше и дюймов на шесть ниже, плотный, как и Мардж, играл куда хуже старшего брата, но никогда ему не уступал.

– Привет, братва! – крикнул Кейси, выходя из машины. – А где же мать?

[1] Первичное офицерское звание в армии США.

– Да у Альфредов, – ответил Дон, кивнув на соседний дом. – На, попробуй, – предложил он отцу, перебрасывая ему мяч.

Кейси схватил мяч приемом, который был в моде еще в 1950 году, тщательно прицелился и бросил. Мяч задел за край корзины и отскочил.

– Послушай, папа, – проворчал Билл, – а что делает команда противника, пока ты целишься? Может, салютует тебе?

– Замолчи, – вмешался Дон. – Сначала подрасти и начни платить налоги, а потом и критикуй, как налогоплательщик.

Кейси улыбнулся своему первенцу. Дон перебросил мяч брату и обратился к отцу с более серьезным вопросом:

– Послушай, папа, можно мне вечером взять машину? Мы собираемся целой компанией в кино.

– Если хочешь управлять машиной, сначала подрасти, а потом обзаводись собственным автомобилем, – с притворной строгостью ответил он. Теперь рассмеялся Билл. – Нет, Дон, серьезно, нам с матерью нужно съездить сегодня вечером в одно место. Пусть машину достает кто-нибудь из вашей компании.

– Значит, остается только Гарри со своей развалиной, – покачал Дон головой. – Надеюсь, она еще двигается.

Кейси снова дважды бросил мяч и, решив переодеться в более удобный костюм, вошел в дом. Как только он разделся, его вдруг потянуло ко сну.

Полчаса спустя, вернувшись домой, Мардж Кейси обнаружила своего супруга на кровати в одних трусах; он крепко спал. Вздохнув при взгляде на помятое покрывало – она уже лет двадцать уговаривала мужа снимать его, перед тем как ложиться, – Мардж присела у своего туалетного столика привести в порядок ногти – сегодня они с мужем были приглашены на ужин.

За этим занятием и увидел ее Кейси, когда проснулся. Он посмотрел на ее обнаженную спину, на узенькие бретельки бюстгальтера и подумал, что с Мардж ему повезло; всегда при виде ее он испытывал и любовь, и желание. В сорок два года она еще не утратила очарования той красивой, ладно сложенной девушки, с которой он встретился в Ньюарке, куда приезжал для вербовки добровольцев вскоре после войны в Корее.

Мардж рассматривала себя в зеркало, и он увидел ее широко поставленные темные глаза и россыпь веснушек на носу. Заметив, что муж проснулся, Мардж улыбнулась, обнажив узенькую щель между передними зубами, что придавало ей вид маленькой девочки и так нравилось Кейси.

– Может быть, если бы ты была чуточку женственнее и если бы у нас было чуточку больше времени, – сострил Кейси, – я решил бы, что сейчас самый подходящий момент перетащить тебя в постель.

Мардж сморщила нос, взглянула на стоявшие на столике часы, фыркнула и прикрыла дверь спальни.

– Мне иногда кажется, – сказала она, присаживаясь на край кровати, – что морские пехотинцы не столько воюют, сколько болтают языком.

Они оба засмеялись, Кейси шутливо зарычал на нее и, взяв жену за обнаженное плечо, потянул к себе.

Солнце уже село, и весенний вечер заметно посвежел, когда они пересекли Уэстерн-авеню, направляясь в Чеви-Чейс. Мардж болтала не переставая, но Кейси почти не слушал ее – не то чтобы из-за нежелания, а просто потому, что находился в состоянии какой-то приятной рассеянности. Это не помешало ему вспомнить, что перед отъездом он не сделал одной вещи.

– Черт возьми! Я забыл позвонить Скотту. Мардж, напомни мне, пожалуйста, когда вернемся домой. Он должен принять одного человека, а часы приема я с ним не согласовал.

– Слушаюсь, сэр! – по-военному ответила Мардж. – Судьба страны в надежных руках. Следует только опасаться, что вдруг наступит день, когда я забуду напомнить тебе о том, о чем ты должен помнить без меня… Ой! – взвизгнула Мардж и сморщилась, ощутив щипок за ногу. – Руки на рулевое колесо, полковник!..

Чета Диллардов проживала в большом особняке на Роллинг-роуд в Чеви-Чейс. Два огромных дуба затеняли дом, как бы подчеркивая старинную колониальную архитектуру здания, построенного в действительности в конце сороковых годов. Дом выглядел таким солидным, что глаза невольно начинали искать на его фронтоне короткую надпись: «Престиж».

Особняк вполне соответствовал положению Дилларда – он представлял в Вашингтоне интересы «Всеамериканской корпорации по производству инструментов» и вел постоянные деловые переговоры с министерством обороны. Уже одно то, что он имел дом в самой фешенебельной части города, укрепляло его репутацию. К тому же почти рядом находился «Чевичейс клаб», где он мог встречаться с нужными людьми и играть в гольф; в своем собственном саду Диллард время от времени устраивал приемы для тех случайных знакомых, которые могли быть ему полезными.

На улице перед домом уже выстроилась вереница машин. Кейси обратил внимание на номерной знак одной из них, кремового цвета: «Калифорния – ССША-1[2]». «Кажется, сенатор Прентис пожаловал, – подумал Кейси. – Пожалуй, сегодня он будет главным гостем у Дилларда».

Кейси поставил свой старенький «фордик» чуть поодаль от особняка и держал дверцу открытой, пока Мардж приглаживала выбившийся локон и вытирала помаду в уголках губ.

– Будь они неладны, эти корсеты, – проворчала она, поеживаясь, и взяла мужа под руку. – Так какой разряд вы сегодня дадите, полковник?

Это была их обычная игра перед вечеринками. Кейси обвел взглядом соседние машины.

– Пожалуй, ниже среднего. Судя вот по тому номерному знаку, – один сенатор, затем, вероятно, один помощник президента и один довольно высокопоставленный военный – это, конечно, я. – Мардж фыркнула, но Кейси невозмутимо продолжал: – Двое-трое журналистов, двое конгрессменов, член какой-нибудь государственной комиссии и пар шесть каких-то людей, с которыми ты никогда не встречалась и о которых ты никогда ничего не узнаешь.

– Ну, а как относительно журналиста, того, что ведет отдел светской хроники в газете «Стар»?

– Не будет. Но готов биться об заклад, что Фрэнсайн уже сообщила газетам по телефону список своих гостей и завтра в разделе хроники появится сообщение о приеме. Слуга-филиппинец в белой куртке открыл перед ними парадную дверь и жестом показал на лужайку в саду за домом. Гул многих голосов оглушил их, едва они спустились с крыльца веранды. В воздухе висел аромат духов и свежескошенной травы, отлогая лужайка была покрыта окурками и исколота тоненькими дамскими каблучками. К Мардж и Кейси сейчас же подлетела Фрэнсайн. Откинув плечи, выставив грудь и сверкая зубами, она рассыпалась в выражениях восторга и приветствиях.

– Мардж, дорогая! – воскликнула она и протянула ей обе руки, словно подносила круговую чашу. – Ты выглядишь чудесно!

Подошел Стью Диллард, намереваясь представить их остальным гостям, и Фрэнсайн полетела приветствовать новую пару, показавшуюся в дверях. Не спеша обходя с женой сад, Кейси обнаружил, что был не совсем точен в предварительном определении состава гостей: среди них он не увидел ни одного конгрессмена. Но в общем он был близок к истине. Сена-

[2] ССША – сенат Соединенных Штатов Америки.

тором действительно оказался демократ из Калифорнии Фредерик Прентис, председатель сенатской комиссии по делам вооруженных сил, крупная фигура в своей партии и фактический контролер Пентагона. Присутствовал здесь и Адольф Коронски из федеральной торговой комиссии, назначенный на этот пост еще президентом-республиканцем Фрейзиером. Из журналистов наиболее солидным был Мэлколм Уотерс («Милки»), поставлявший для «Ассошиэйтед Пресс» материалы о Белом доме.

Личность сотрудника из аппарата Белого дома вызвала у Кейси улыбку: это был Поль Джирард, секретарь президента, ведавший назначением встреч и приемов. Кейси и Джирард дружили с тех пор, как Поль играл в баскетбольной команде своего университета, а Кейси был запасным в команде военно-морского флота. Они встречались в Вашингтоне как на деловой почве, так и в часы развлечений, и Кейси еще несколько лет назад решил, что Джирарду всегда можно довериться. Обладая недюжинным умом, он знал всю подноготную каждого сенатора и конгрессмена и пользовался абсолютным доверием президента Лимена. Природа наделила Джирарда почти отталкивающей внешностью – голова у него казалась несуразно большой, ноздри были вывернуты наружу, глаза вечно полуприкрыты. Незнакомые люди нередко принимали Джирарда за олуха, но уже на следующий день убеждались в своем глубоком заблуждении.

– А, Джигс! Привет, – сказал он, беря стакан с виски в левую руку и протягивая правую Кейси.

– Рад видеть тебя, Поль. По крайней мере я окажусь в хорошей компании, когда меня привлекут к ответственности за получение подношений от фирмы, выполняющей оборонные заказы.

– Ты же хорошо знаешь существующие на сей счет правила, Джигс, – в тон ему ответил Джирард. – Все, что человек съедает и выпивает, не сходя с места, не считается взяткой. – Он показал на свой почти пустой стакан. – Ну а выпить я могу немало.

Кейси взял у подошедшего к ним по сигналу Джирарда официанта бокал джина, смешанного с тонизирующим напитком, и осмотрелся, отыскивая Мардж; поток гостей увлек ее за собой, и она оказалась среди дам, около азалий в нижней части сада. Вина и закуски заметно оживили разговоры. Кейси и Джирард как-то незаметно для себя присоединились к группе во главе с Уотерсом и Прентисом. Журналист и сенатор беседовали.

– Вы слышали, что завтра будут опубликованы результаты очередного опроса института Гэллапа? – спросил Уотерс безразличным тоном.

– Нет, не слыхал, но хочу высказать кое-какие предположения, – ответил Прентис. – Пожалуй, вновь наступило время еще раз определить степень популярности Лимена, и, по-моему, он должен радоваться, если за него выскажутся процентов сорок опрошенных.

На всей внешности Прентиса лежал отпечаток той самоуверенности, что вырабатывается на посту председателя сенатской комиссии годами власти, не отягощенной никакой ответственностью. Он мог критиковать, высказывать любые предположения, расследовать и насмехаться, не опасаясь, что ему укажут на его ошибки, потому что не он, а другие вырабатывали политику и проводили ее в жизнь.

На первый взгляд старший сенатор из Калифорнии не производил впечатления выдающегося деятеля, однако ему без труда удавалось внушить окружающим, что такому человеку, как он, ничего не стоит овладеть общим вниманием, что, кстати, он и делал. Пусть его талия была чересчур полной – это давало ему известное преимущество перед менее солидными людьми. Пусть его жесты были слишком размашистыми, а голос слишком громким для обычной беседы – это не вызывало протестов, поскольку казалось естественным для человека, привыкшего говорить, а не слушать.

Сейчас, посматривая на Уотерса и ожидая поддержки своего предположения, сенатор всем своим видом и выражением глаз намекал, что не потерпит никаких возражений. Но журналист и не думал возражать.

– Вы правы, сенатор, но ваша оценка слишком завышена. Результаты будут опубликованы завтра, и вы сможете убедиться, что только двадцать девять процентов опрошенных одобрят действия президента. Сотрудники института Гэллапа утверждают, что это самая низкая оценка популярности президента с тех пор, как они начали проводить опросы.

Прентис кивнул, несколько раз ткнул указательным пальцем в пространство.

– И объясняется все очень просто, – тоном лектора заявил он. – Президент верит России, а мы нет. Нам не нравится договор. Мы не верим, что русские уничтожат к первому июля некоторое число боевых частей для ракет и бомб.

Договор, договор, договор… Кейси, да и все остальные в Вашингтоне ни о чем другом не слышали с тех пор, как в январе собрался конгресс и президент Лимен с трудом набрал в сенате требуемые две трети голосов, чтобы ратифицировать договор. Казалось, население столицы разбилось на два лагеря, а страницы газет, заполненные письмами читателей, показывали, что то же самое происходит по всей стране. Кейси украдкой оглянулся – он был бы не прочь незаметно уйти, но его со всех сторон окружали гости.

Кейси уже знал все, что можно было узнать про договор о ядерном разоружении, который вступал в силу с первого июля. В этот день в соответствии с соглашением, достигнутым осенью прошлого года в Вене между президентом США и советским премьер-министром, одновременно в Лос-Аламосе и в Семипалатинске предполагалось в присутствии инспекторов из Индии и Финляндии разрядить по десять нейтронных бомб. В дальнейшем не только Россия и Соединенные Штаты, но и все остальные западные и коммунистические державы, обладающие ядерным оружием, были обязаны демонтировать ежемесячно еще по нескольку бомб. Этот процесс должен был продолжаться до тех пор, пока все склады ядерных бомб Востока и Запада не окажутся пустыми, но не дольше двух лет с момента ратификации договора.

– А вы не думаете, сенатор, – снова заговорил Уотерс, – что на результатах опроса отразились и некоторые другие факторы, например большая безработица, инфляция, забастовки на ракетных заводах?

– Вы не правы, молодой человек, – возразил Прентис. – Каждый президент встречался с подобными неприятностями. Лимен же вел переговоры о договоре, не считаясь с обстановкой. Как вы знаете, я решительно боролся против ратификации и горжусь этим.

– Да, да, – кисло отозвался Джирард. – Мы, демократы, всегда вместе.

Прентис резко повернулся к Джирарду. Его лицо выражало раздражение, палец снова пронзал воздух.

– А вам, Джирард, следовало бы помнить, что именно президент изменил идеалам демократической партии. Это говорю вам я, человек, который полностью поддерживал его во время предвыборной кампании.

– Ну а так ли уж необоснованна позиция президента? – вмешался человек в спортивном пиджаке кремового цвета. Кейси никак не мог вспомнить его имя. – Я хочу сказать, что если Россия откажется выполнять свои обязательства или обманет нас, мы тут же узнаем об этом и аннулируем договор.

– Подобные доводы я слышу уже лет тридцать, – ответил Прентис, – и всякий раз, когда они приводятся в оправдание нашей политики, мы где-нибудь что-нибудь теряем. В последний раз так было в семидесятом году, во время совещания на высшем уровне по урегулированию иранского вопроса. Спустя шесть месяцев Иран наводнили партизаны, и теперь у нас два Ирана, причем в одном из них правят коммунисты.

– Не знаю, сенатор. Мне кажется, я не могу согласиться с вашей оценкой действий президента. – Человека в спортивном пиджаке не так-то легко было смутить. – Возможно, он идет

на рассчитанный риск, но, по-моему, мы хорошо подготовлены ко всяким неожиданностям. Если же президент ставит на карту свою популярность во имя спасения мира, то мне остается лишь пожелать, чтобы у него было как можно больше власти.

«А ведь он, пожалуй, прав», – подумал Кейси. Некоторые из гостей молча, кивком выразили свое согласие с человеком в спортивном пиджаке, однако Прентис не мог оставить без ответа доводы защитника президента.

– Перестаньте болтать о популярности президента, – сказал он, надвигаясь на собеседника. – Лимен не пользуется никакой популярностью, так что терять ему нечего. Кстати, он и не заслуживает популярности.

Чем больше поглощалось коктейлей, тем горячее становился спор. Диллард сразу уловил это, поспешил к гостям и, выполняя миротворческие функции хозяина, умело перевел разговор на более общую политическую тему.

– Оставляя в стороне вопрос о положительных сторонах договора, – вмешался он, – я готов держать пари, на разумных, конечно, условиях, что на выборах в семьдесят шестом году республиканцы выставят кандидатуру генерала Скотта, и это будет вполне закономерно. У Скотта для этого есть все. Если с договором ничего не выйдет, все вспомнят, что он всегда возражал против него. Если же договор окажется реальным делом, люди все равно будут озабочены вооруженными силами России обычного типа, и сильная личность вроде Скотта будет им импонировать.

– Боже милосердный! – воскликнул Джирард. – Я уже зримо представляю себе лозунг: «Скотт – знамя тысяча девятьсот семьдесят шестого года!»

– Вам, мальчикам из Белого дома, следовало бы воздерживаться от подобных шуточек, – заметил Прентис. – Я согласен со Стью. Бесспорно и очевидно, что республиканцы выдвинут кандидатуру Скотта. Если бы выборы состоялись сегодня, он побил бы Лимена, не шевельнув для этого и пальцем.

– Могу я, сенатор, передать ваши наилучшие пожелания лидеру вашей партии? – слегка повысил голос Джирард.

– Я говорю лишь о том, что есть на самом деле, – резко ответил Прентис. – У нас нет ни малейшей возможности победить Скотта, сынок.

Яркие лампы на веранде замигали, оповещая, что ужин готов. Фрэнсайн собрала гостей и повела их в дальнюю часть сада, где повар в высоком белом колпаке жарил бифштексы. К бифштексам подавался поджаренный картофель. Гости расселись за столиками на веранде; около каждого прибора стояла бутылка пива и тарелка с салатом из свежих овощей.

Соседкой Кейси за столиком оказалась Сара Прентис, жизнерадостная полная дама, – в Вашингтоне она занималась главным образом тем, что поливала бальзамом раны тех, кого обижал ее муж.

– Фред страшно переживает историю с договором, – заговорила миссис Прентис, – но он и без того большой поклонник вашего генерала Скотта.

– Положим, он не совсем мой, – ответил Кейси с полагающейся в таких случаях военному человеку объективностью. – Я только служу под его началом.

– Но разве вы не находите, что он душка?

– Я нахожу, что он очень толковый генерал.

– Ох уж эти мне морские пехотинцы! – засмеялась миссис Прентис, словно о чем-то вспомнив. – Разве могут они похвалить летчика!

После ужина гости вновь заполнили лужайку. Кейси отказался от предложенного виски в пользу еще одной бутылки превосходного светлого эля из погреба Дилларда. Но едва он сделал первый глоток, как к нему подошел Прентис и, взяв за локоть, отвел в сторону.

– А знаете, полковник, ведь я говорил совершенно серьезно, когда мы болтали тут перед ужином. Вы счастливчик, вы работаете для человека, которому верит вся страна и кто может вывести нас из хаоса.

– Я офицер, сенатор, – ответил Кейси, подчеркивая, что придает разговору шутливый, как и принято на вечеринках, тон, – а вы, по-моему, старательно толкаете меня в пучину политики.

– Не нужно дурачиться, полковник, – рассердился Прентис. – Страна переживает тяжелое время, очень тяжелое. Офицер вы или нет, прежде всего вы гражданин, а каждый гражданин обязан заниматься политикой.

Кейси засмеялся, хотя этот разговор еще больше усилил его тревогу.

– А знаете ли, – сказал он, – в Аннаполисе из вас не вышел бы профессор. Сегодня я в штатском, но форма висит в моем гардеробе, и завтра в семь ноль-ноль я снова надену ее.

Прентис наставительно поднял палец и в полумраке сгущающихся сумерек внимательно посмотрел на Кейси.

– Вот что? Как только представится возможность, обязательно поговорите с генералом Скоттом. Серьезно, полковник. Не сомневаюсь, он рассматривает ситуацию почти так же, как вы, и так же, как ее сегодня оценивает большинство настоящих американцев.

Кейси не имел ни малейшего понятия, куда с такой настойчивостью тянет его этот политикан, однако он не собирался следовать за ним и потому переменил тему разговора.

– Надеюсь, вас и миссис Прентис ожидает хороший отдых во время каникул сената? За ужином я забыл спросить у нее, куда вы намерены поехать.

– Никуда. Я буду здесь. У меня слишком много работы. – Прентис оглянулся. – Кроме того, должен же кто-то из сената быть на месте на случай… ну, на случай какой-нибудь там тревоги. Особенно в субботу, а, полковник?

Слово «тревога» застало Кейси врасплох.

– Да, сэр, конечно. Мы всегда должны быть готовы ко всему, – смущенно пробормотал он. Прентис похлопал его по плечу и отошел.

Вечеринка уже заканчивалась. Кейси разыскал Мардж и вопросительно взглянул на нее. Она утвердительно кивнула, они распрощались и прежним путем, через парадную дверь, вышли на улицу…

Кейси ехал домой, почти не замечая уличного движения. Нет, но как все-таки Прентису стало известно о тревоге? Предполагалось, что о ней знают только восемь человек, и Прентис не входил в их число. Правда, Прентису как председателю сенатской комиссии по делам вооруженных сил сообщали многое, однако на этот раз Скотт был особенно непоколебим во всем, что касалось сохранения секретности. Если знает Прентис, то, возможно, знают и другие? Во всяком случае бесспорно одно: завтра утром он обязан доложить обо всем Скотту.

Мардж не переставая болтала о вечеринке.

– Кто с тобой сидел за столиком, Джигс?

– Миссис Прентис, жена сенатора. Милая дама, чего никак не скажешь о ее супруге.

– Я видела, что в конце вечеринки он долго разговаривал с тобой. Что ему надо?

– Да так, обычные сенатские сплетни, – ответил Кейси, решив не вдаваться в детали.

– Он из сенатской комиссии по делам вооруженных сил?.. Кстати, Джигс, ты просил напомнить о каком-то телефонном звонке.

При свете уличного фонаря – они как раз проезжали мимо него – Кейси взглянул на часы.

– Фу ты, черт! Слишком поздно. Придется встать завтра пораньше, позвонить с утра.

Билл уже спал, когда они вернулись, а Дон еще был в кино. Мардж пошла принимать ванну, а Кейси решил немного отдохнуть в гостиной – таков был заведенный порядок. Зато утром первым купался он. До него все еще доносился шум льющейся наверху воды, когда раздался телефонный звонок.

– Папа? – послышался в трубке голос Дона. – Послушай, мы только что вышли из кино, а у машины Гарри спустил баллон. Сейчас уже поздно, да к тому же воскресенье, я просто не знаю, что делать, а раз уж мы живем ближе всех, то…

– Я скажу вам, что делать: сменить колесо.

– Папа! – воскликнул Дон с явным сожалением к этим взрослым, которые никогда ничего не понимают. – Да у Гарри нет запасного колеса!

«Опять я должен отдуваться!» – подумал Кейси.

– Вы где?

Получив от Дона адрес кинотеатра, Кейси поехал по Арлингтонскому бульвару, решив прежде завернуть в Форт-Майер. Возможно, Скотт еще не спит, и он доложит ему о просьбе начальника штаба английской армии перенести его прием завтра утром с 9:00 на 8:30.

Широкие обрамленные вязами улицы старинного военного городка Форт-Майер были мрачны и безлюдны. Скотт жил в доме из шестнадцати комнат, по традиции предназначенном для председателя комитета начальников штабов. Каменное здание корпуса № 6, возведенное лет семьдесят назад в грубом, если не сказать безобразном, стиле офицерских общежитий того периода, раньше напоминало деревенскую богадельню, а после капитального ремонта стало пригодным и даже удобным для жилья, хотя и не выглядело элегантным. Отсюда, с гребня холма, где был расположен корпус № 6, открывался через Питомак прекрасный вид на Вашингтон. Из своих окон на втором этаже Скотт мог видеть расположенный внизу Капитолий, памятник Линкольну и резиденцию своего верховного главнокомандующего – Белый дом.

Кейси свернул за угол и, оказавшись перед домом, резко сбавил скорость; в свете фар блеснул ствол винтовки часового, шагавшего взад-вперед по тротуару. Яркий луч выхватил из темноты багажник машины «тандербэрд» кремового цвета, стоявшей перед домом, и отразился в покрытом специальной краской номерном знаке. Он сразу бросился Кейси в глаза: «Калифорния – США-1».

«Позвольте, да ведь это машина Прентиса!» – чуть не вскрикнул Кейси. Он взглянул на дом. Только в одном окне, там, где, как ему было известно, находился кабинет Скотта, горел свет.

Кейси прибавил скорость и, сделав большой круг, объехал машину Прентиса. Если Скотт совещается с председателем комиссии сената по делам вооруженных сил, он вряд ли будет доволен вторжением Кейси. Лучше позвонить ему пораньше утром.

Выручив сына и двух его приятелей, которых он нашел на стоянке для автомобилей рядом с кинотеатром, и возвращаясь домой, Кейси не переставал думать о машине перед особняком Скотта. Он не знал, что Скотта и Прентиса связывают приятельские отношения, хотя вообще-то генералу так часто приходилось давать комиссии сенатора различные показания, что он вполне мог подружиться там на всю жизнь с целой дюжиной людей. Возможно, Прентис примчался информировать генерала о результатах опроса, проведенного институтом Гэллапа. Скотт никогда не скрывал своего недовольства Лименом. Да и Прентис сегодня отзывался о президенте довольно резко, хотя и числился одним из лидеров той же партии, к которой принадлежал президент. Но почему им нужно встречаться ночью? Кейси снова взглянул на часы. Пять минут первого. Что и говорить, поздновато для простой политической болтовни.

А кроме того, Прентис знал – не хуже тех, кому положено знать, – о «Всеобщей красной». Что все это значит?

Вернувшись домой, Кейси на всякий случай поставил будильник на 6:30 – до семи он должен обязательно позвонить Скотту о встрече с англичанином – и устало подумал, что из-за нежелания заехать к Скотту и попросить кого-нибудь передать генералу об этой встрече, он не доспит по меньшей мере полчаса.

Мардж зашевелилась, когда он укладывался в постель, но не проснулась. В поисках удобной позы Кейси ворочался с боку на бок, ложился то лицом вниз, то на спину, но сон упорно

не шел к нему. Смутное беспокойство, охватившее его утром, вернулось к нему посреди ночи, переросло в глубокую тревогу.

– Что-нибудь стряслось, Джигс? – хриплым сонным голосом спросила Мардж.

– Не знаю, родная, не знаю…

Понедельник

Еще только пытаясь нащупать кнопку будильника и прервать звонок, Кейси уже почувствовал, какой тяжелый день ему предстоит. Тупая боль в затылке дала знать, что он не выспался, а горечь во рту напомнила ему, что на вечеринках он всегда курит раза в три больше, чем обычно.

Душ принес некоторое облегчение. Кейси завернулся в простыню, вышел из ванной и позвонил Скотту домой. После второго звонка генерал снял трубку.

– Докладывает полковник Кейси. Надеюсь, я не разбудил вас, генерал?

– Нет, нет. Джигс, – совсем бодрым голосом ответил Скотт. – В чем дело?

– Сэр Гарри Ланкастер попросил перенести встречу на восемь тридцать, сэр. Я согласился, полагая, что вы не будете возражать. Все нужные справки я приготовлю к восьми ноль-ноль.

– Прекрасно, Джигс.

– Я хотел позвонить вчера, сэр, но запамятовал, а когда вспомнил, было уже поздно; я решил, что вы, возможно, спите, и подумал…

– Да, да, вы правы, – прервал его Скотт. – Я рано лег и сразу уснул. Пожалуй, в половине одиннадцатого я уже спал. Давно не спал так хорошо. Спасибо, что позвонили, полковник.

– Есть, сэр, – ответил Кейси и повесил трубку.

«Если только я не видел все это во сне, мой дорогой генерал, – подумал Кейси, поднимаясь по лестнице, – то вы просто морочите мне голову, да еще как!»

Почему Скотт сказал неправду? Кейси не помнил ни одного случая, когда бы генерал солгал ему или хотя бы попытался солгать. Правда, Скотт иногда хитрил или, лучше сказать, проявлял осторожность с конгрессом и с Белым домом, но постоянно подчеркивал, что от подчиненных у него нет никаких секретов.

Да и зачем бы ему скрывать встречу с Прентисом? Сенатор, очевидно, был осведомлен о предстоящей тревоге. Возможно, верхи что-то задумали.

Однако странно. Уж кому-кому, а ему, Кейси, начальнику объединенного штаба, по штату было положено знать все, что касается военных дел. Именно положено – это он знал наверняка.

Из ванной выглянула Мардж; с ее лица капала вода.

– Передай мне простыню, Джигс. Сухую, пожалуйста. Когда-нибудь, дорогой, ты, может быть, станешь богатым и знаменитым, и нам не придется подниматься с петухами.

За завтраком Кейси почти не разговаривал. Он так напряженно размышлял над словами Скотта, что снова почувствовал боль в затылке, хотя от кофе она несколько притупилась. Он посмотрел первую страницу утренней газеты, но его не могла заинтересовать даже теоретическая статья о «новом направлении» военной политики, отвечающем духу нового договора. Мардж тихонько ворчала.

– Ты не выспался, Джигс, – заметила она.

– Да, я мало спал, и все по вине Дона. Из-за какого-то дурацкого колеса потерять целый час!

Пять дней в неделю Кейси подавали служебную машину из гаража Пентагона. Эта машина унылого оливкового цвета была одной из привилегий начальника объединенного штаба. Это позволяло Мардж пользоваться их собственным автомобилем, а Кейси – пока он ехал на службу – успевал прочитывать утреннюю газету. Однако сегодня газета лежала неразвернутой на коленях Кейси, а сам он подставлял лицо утреннему ветерку, врывавшемуся через опущенное боковое стекло. Когда он все же развернул газету, его взгляд сразу упал на неброско

набранный заголовок: «Вице-президент намерен посетить деревню своих предков». В заметке говорилось:

«Как стало известно, вице-президент Винсент Джианелли, вылетающий в среду в Италию с визитом доброй воли, намерен провести уикенд в уединенной горной деревушке, где родился его дед».

Далее давалось описание деревни Корнилио, расположенной высоко в Апеннинах, к югу от Пармы. Деревушка насчитывала всего несколько сотен жителей и лежала в горах, в конце грунтовой дороги. Джианелли намеревался провести пятницу и субботу в хижине своего деда и в воскресенье вернуться в Рим.

Кейси снова подумал, каким благоприятным для проведения тревоги окажется следующий уикенд; конгресс распущен на каникулы, вице-президент уедет в Италию. Никому из командующих и в голову не придет, что при таких условиях может состояться какая-то проверка готовности. Неудивительно, что комитет начальников штабов выбрал именно это время.

Кейси приехал на службу в семь сорок пять. По привычке оглядев себя в зеркало в туалетной комнате, он собрал информационные материалы, с которыми должен был ознакомиться Скотт перед визитом сэра Гарри Ланкастера, и по коридору кольца «Е» отправился в кабинет председателя комитета начальников штабов. Ждать ему пришлось недолго: через несколько минут в приемную вошел Скотт.

– Доброе утро, Джигс, – поздоровался он. – Заходите.

Наблюдая, как Скотт достает из коробки на столе и аккуратно раскладывает около большого зеленого пресс-папье утреннюю порцию сигар, Кейси не мог не восхититься своим шефом. Несмотря на свои пятьдесят восемь лет, Скотт оставался военным с головы до ног. Чуть загорелое, почти без морщин, если не считать паутинки в уголках глаз, лицо. Рост футов шесть с лишним, вес около двухсот фунтов. Никто бы не назвал его изнеженным человеком. Очень густые с проседью волосы были аккуратно зачесаны набок. Твердый подбородок и резко обозначенные скулы делали его лицо волевым и запоминающимся.

Кейси разделял мнение тех, кто считал Скотта наиболее популярным военачальником после Дуайта Д. Эйзенхауэра. Почти тридцать лет журналисты превозносили его – и как летчика-истребителя в годы Второй мировой войны, сбившего в течение дня несколько «мессершмиттов», и как одного из первых асов реактивной авиации во время событий в Корее, и как блестящего командира ВВС в Иране, изобретательно применившего новую тактику авиационного прикрытия войск, что в какой-то мере восполняло недостаточную боеспособность наземных частей.

В журнальных статьях часто утверждалось, что в Скотте сочетаются лучшие качества Эйзенхауэра и Макартура. Он обладает, говорилось в них, теплотой и добродушной улыбкой первого и в то же время суровым патриотизмом, блестящим умом и некоторой склонностью к позированию – второго. Вместе с тем Кейси знал кое-что такое, чего не знало большинство журналистов. Скотт был наделен чувством политической интуиции и обладал широким кругозором. Кейси знал также, что Скотт пока не допустил ни одной сколько-нибудь крупной ошибки военного или политического характера. Осуждая отношение правительства к войне в Корее, и в частности запрещение совершать бомбардировочные рейды за Ялуцзян, он ухитрялся выражать свой протест в такой форме, что не нажил неприятностей, так пагубно отразившихся на карьере Макартура. Соответствующие рекомендации Скотта, направленные по команде, не получали огласки до тех пор, пока кто-то (Кейси предполагал, что Мердок) несколько месяцев назад не разболтал о них журналистам газетного концерна «Скриппс-Говард». Скотт категорически возражал против решения президента Фрейзиера добиваться мира в Иране и не подвергаться риску ядерной войны, но и тут соблюдал необходимую осторожность. Никогда не переходил он границ дозволенного и во всем, что касалось договора о

разоружении, хотя в качестве председателя комитета начальников штабов мог бы действовать открыто.

Углубившись в работу, Скотт быстро просматривал справочные материалы, временами смачивая большой палец и листая страницы.

– На этот раз англичане предлагают больше, чем просят, – наконец заметил он. – Что вы думаете об их предложении перебросить на Окинаву в наше распоряжение воздушно-десантный полк?

– Мне оно нравится, сэр. Шотландцы – первоклассные солдаты, а их командир – большой друг генерала Фарадея. Они быстро поймут друг друга.

– Верно. Я упустил это из виду. По-моему, предложение дельное. Спасибо, Джигс. Пожалуй, теперь я полностью в курсе дела.

Кейси уже шел к двери, когда Скотт добавил:

– Между прочим, передайте офицерам, составлявшим эти документы, что, по моему мнению, они отлично справились со своей задачей.

«Нет, вы только подумайте: такой прямой человек и так солгал мне несколько часов назад!» – Кейси осторожно закрыл за собой дверь. Скотт погрузился в чтение кипы подготовленных для него бумаг. Рабочий день председателя комитета начальников штабов начался.

За рекой, в Белом доме, рабочий день тоже был в разгаре. Президент Джордан Лимен, как и его главный военный советник генерал Скотт, начал пораньше и к половине девятого уже успел поработать около часа. Разница состояла в том, что Лимен все еще не встал с кровати. Вокруг него валялись развернутые газеты. Лимен просматривал воскресные газеты потому, что по воскресеньям они публиковали много читательских писем и более подробные передовые статьи.

Просмотрев пачку газет, он пришел к выводу, что настроение в стране никак нельзя назвать радужным. Например, в передовице газеты «Конститьюшн», издававшейся в городе Атланте, говорилось:

«…По мере приближения первого этапа разоружения усиливается наш скептицизм в отношении России… Мы, конечно, надеемся, что доверие президента Лимена к Москве оправдается, но…»

«Нью-Йорк таймс» в передовой, написанной в обычном для нее похоронном тоне, заявляла:

«…рискованную авантюру с ядерным разоружением мы поддерживали с очень серьезными оговорками. Эти оговорки вовсе не были излишними, если судить по последним сообщениям официального органа Коммунистической партии Советского Союза “Правды”…»

«Боже милосердный, – подумал Лимен, – можно подумать, что во всей Америке очень серьезные оговорки имелись только у авторов передовых статей!» Он встал с кровати, прошел в большой, овальной формы кабинет и налил чашку кофе из только что принесенного кофейника.

Через высокие окна, выходившие на южную сторону, Джордан Лимен мог видеть непрерывно катившийся по Конститьюшн-авеню утренний поток машин. «Забавно, – подумал он. – Люди, которые едут в этих автомашинах, работают, как и я, в правительственных учреждениях. Я могу поручать им любое дело, придумать для них должности или, наоборот, ликвидировать их. И однако они обладают властью погубить все, что сделано мною, – по ошибке, из-за халатности или даже умышленно».

Он был президент и знаменитость, а они всего лишь жалкие, никому не известные чиновники. Но именно в результате своей неизвестности они чувствовали себя в безопасности и имели массу друзей, а он благодаря своей славе был уязвим и одинок.

Лимен прочитал достаточно книг по истории США и прекрасно сознавал, какое одиночество ждет его, едва он принесет присягу и переедет в Белый дом. Однако до вступления на

пост президента его опасения на этот счет носили отвлеченный характер, поскольку основывались лишь на мемуарах и легендах. Ни чтение книг, ни советы предшественников не могли подготовить его к тяжкому бремени президентства. Джордан Лимен до сих пор не забыл, как он был потрясен и подавлен, когда его подробно ознакомили с тем механизмом, при помощи которого президент мог в роковой момент открыть шлюзы ядерной войны.

– Довольно, Лимен! – вслух сказал он себе и отхлебнул глоток горячего кофе. – Расхныкался!

Он взял с подноса утреннюю газету – слуга каждое утро оставлял ее рядом с кофейником. Взглянув на первую страницу, он сразу увидел заголовок, который, как он и предполагал, должен был рано или поздно появиться: «ПОПУЛЯРНОСТЬ ЛИМЕНА УПАЛА ДО САМОГО НИЗШЕГО УРОВНЯ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ПРОВЕДЕНИЯ ОПРОСОВ».

В этом не было для него ничего неожиданного. Ожесточенный характер дебатов в сенате во время ратификации договора много раз подчеркивался в газетах, что не могло не повредить ему в общественном мнении. Но цифры, которые еще вчера вечером сообщил секретарь, застали его врасплох, «Да, на этот раз мы получаем основательную взбучку, – подумал он. – Мы? Не увиливай от самого себя: ты. Ты!»

Лимен вернулся в спальню, снял и бросил на пол пижаму и направился в ванную комнату – купаться и бриться. Он позволил себе еще раз на минуту задуматься над результатами проклятого опроса и снова вслух с иронией произнес:

– Не унывай, мировой лидер! Не забудь, что в свое время, судя по результатам опроса «Литерери дайджест», президентом должны были избрать Элфа Лендона, а он провалился, да еще с треском.

Минут через десять Лимен пошел завтракать. Пересекая большой холл, он кивнул пехотному уорент-офицеру[3], сидевшему у двери его комнаты:

– Доброе утро.

– Доброе утро, господин президент.

Ничто в заведенном распорядке дня так сильно не угнетало Лимена, как обмен утренними приветствиями с этими военными. Их было пятеро, и каждую ночь, пока Лимен спал, один из них дежурил у его двери. В течение всей ночи на коленях у него лежал портфель, а в нем небольшая черная шкатулка со сложными шифрами, которые были необходимы президенту при объявлении ядерной войны.

По утрам, едва взглянув на свою «атомную тень», как Лимен называл молчаливых и незаметных уорент-офицеров, он сразу возвращался к своим президентским будням, чувствуя себя так, словно нагим бросался в ледяную воду. Однако со временем Лимен смирился с этим постоянным напоминанием о ядерном кошмаре и обращал на него не больше внимания, чем на трехдюймовые бронированные стекла кабинета, способные защитить его от пули любого сумасшедшего со снайперской винтовкой. Лимен завтракал в маленькой семейной столовой, отделанной белыми панелями, и теперь был озабочен только тем, как научить этих болванов на кухне по-настоящему готовить грейпфрутовый сок. Кто-то постучал в дверь.

– Я работаю для института Гэллапа, – заговорил посетитель, подчеркивая своим южным произношением, что он уроженец Джорджии, – и пришел узнать, что вы думаете о Джордане Лимене. Есть же кто-то, кому он нравится… Привет, господин президент!

Реймонд Кларк улыбался такой же широкой, как и вся его физиономия, улыбкой; казалось, он улыбался даже складками кожи под подбородком. Лимен громко рассмеялся. Как всегда, настроение у него улучшилось при одном только появлении младшего сенатора от штата Джорджия – его частого компаньона во время завтрака.

---

[3] Уорент-офицеры занимают в армии США промежуточное положение между офицерами и сержантами; по своему правовому положению они приравнены к младшим офицерам.

– Запишите, что я еще не решил, – в тон ему ответил Лимен. – А что вы сами думаете?

– Я? По-моему, он умный старик, но несколько опережает свою эпоху, вот и все. – И тут же уже обычным, без южного акцента голосом добавил: – Но ничего, Джорди, все обойдется.

Официант подал яичницу с беконом, подсушенный хлеб и свежий кофе, и они принялись за еду. Лимен мысленно спросил себя, понимает ли Кларк, как много значит для него их дружба. Среди всех друзей Лимена в Вашингтоне Кларк занимал особое место, их тесная дружба была прежде всего личной, а уж потом – по стечению обстоятельств – политической.

Широкая публика знала Рея Кларка как политического антрепренера Джордана Лимена и человека, заключившего сделку с губернатором штата Нью-Йорк Винсентом Джианелли. Убедившись, что у него нет дальнейших шансов быть выставленным на пост президента, Джианелли согласился дать команду всем своим сторонникам поддержать Лимена. И действительно, кандидатура Лимена была принята в Чикаго уже после третьего тура голосования.

Но никто не знал, что лет за двадцать до этого Кларк преподнес Джордану Лимену куда более ценный подарок.

Произошло это в Корее, где оба они, офицеры, призванные в 1951 году из резерва, командовали расположенными плечом к плечу пехотными взводами. Однажды туманным утром, когда они, получив инструктаж перед наступлением, только что вернулись в траншею, Лимен вдруг сдал: зубы у него стучали от озноба, в глазах стояли слезы беспомощности, он впал в состояние полной физической и моральной прострации.

Кларк слегка подтолкнул его:

– Возьми себя в руки, мой мальчик янки. – Он назвал своего дружка из Огайо так, как южане уже давно называли северян. – Пошли-ка!

Лимен даже не шевельнулся.

– Черт побери, Джорди, довольно! – решительно, но тихо, чтобы не услышали солдаты, сказал Кларк.

И снова ни звука, ни движения.

Кларк встал между Лименом и солдатами, заставил его войти в блиндаж и раза четыре с силой ударил по щекам. С полминуты они стояли нос к носу, пожирая друг друга взглядами.

– Ну, теперь ты пришел в себя, Джорди? – спросил Кларк.

– Да, Рей. Пошли.

В тот день Кларк был ранен в руку осколком мины; это произошло почти сразу после того, как Лимен лично подавил гранатами два пулемета противника и обеспечил обоим подразделениям успех атаки. При первой же возможности Лимен разыскал полевой госпиталь, куда эвакуировали Кларка.

– Рей, – заговорил он, – я хочу поблагодарить тебя за то, что ты сделал для меня вчера утром. Ты вздул меня и тем самым спас не только жизнь, но и еще кое-что поважнее.

– Знаешь, Джорди, – ответил Кларк, волнуясь и понижая голос, так как госпитальная палатка была переполнена, – что касается меня, то я ничего не видел и не слышал. С тобой произошло то же, что происходит с миллионами других, и если ты действительно умен, в чем я не сомневаюсь, то начисто выбросишь из головы все, что случилось. Я никогда не заикнусь об этом – ни тебе, ни другим.

И Кларк сдержал слово. Больше того, всякий раз, когда Лимен начинал вспоминать тот инцидент, Кларк переводил разговор на другую тему. О чем бы ни шла речь, он старательно избегал выражений, которые могли бы напомнить Лимену то утро, и никогда больше не называл его «мальчик янки».

Однако сам Лимен, несмотря на все свои старания, не выполнил совета Кларка все забыть. Случай на фронте еще долго преследовал его во сне. Даже сейчас раз или два в год он снова переживал все случившееся в своих сновидениях. Ни тесная политическая связь с Кларком, ни их постоянное дружеское общение не помогли ему забыть прошлое. Всегда в самые

острые политические моменты под руками был Кларк – и когда Лимен баллотировался на пост губернатора штата Огайо и надо было произнести решающую речь, и когда его выдвинули кандидатом в президенты, и в тот зимний вечер прошлого года, когда Лимен решил уломать несговорчивый сенат и заставить его утвердить договор о разоружении. Лимен не признавался даже самому себе, как он, Кларк, нужен ему. Всякий раз, обращаясь к своему другу за помощью, он находил для этого все новые причины: то способность Кларка принимать правильные решения, то его заразительный юмор, то его здравый смысл, то его общительность. Как бы то ни было, в нужное время Кларк всегда оказывался на месте.

Президент стряхнул с пальцев крошки хлеба и возобновил разговор.

– Я солгал бы тебе, Рей, если бы сказал, что мне безразличны результаты опроса. Это не так. Однако я уверен, что заключение договора было разумным делом. Посмотрим, что покажет опрос осенью этого года.

– Не спорю, господин президент… Джорди… сэр. Если нас попытаются обмануть, мы снова начнем делать бомбы. В любом случае к осени ваше положение упрочится, – ответил Кларк, умышленно произнося отдельные слова с южным акцентом.

– А знаешь, Рей, если бы я не знал тебя так хорошо, то решил бы, что Джордж Бернард Шоу писал свою Элизу Дулитл с тебя. Как ты определяешь, когда нужно и когда не нужно употреблять этот жаргон бродяг?

– Человек должен все время практиковаться в своем искусстве, господин президент, – с ленивой улыбкой протянул Кларк. – У себя в Джорджии я – простой деревенский парень, отчаянно пытающийся не допустить возвращения Шермана. А в Вашингтоне – воспитанник юридического факультета Гарвардского университета, практикующийся в искусстве управлять государством.

– Ну хорошо, хорошо, профессор. Может, теперь ты прочитаешь мне коротенькую лекцию о настроениях в сенате, имея в виду мою программу?

– Я пока еще не вполне уверен, господин президент, но, по-моему, положение довольно щекотливое. Пожалуй, было бы целесообразнее отложить крупные законопроекты в области внутренней политики до следующего года. Я понимаю, что надвигаются выборы, но мы, сенаторы Соединенных Штатов, несколько обижены бесцеремонным обращением с нами во время конфликта из-за договора.

– Сказано, как и подобает настоящему сенатору, Рей. Но разве ты-то сам не несешь никакой ответственности за это бесцеремонное обращение?

– Не помню, господин президент. Возможно, я и просветил немножко кое-кого из своих коллег, но не больше. Во всяком случае, начинаются двухнедельные каникулы, и никакой особенной работы в Капитолии не предвидится. Я тоже буду свободен с завтрашнего дня, после заседания комиссии по делам вооруженных сил, где выяснится, останется ли что-нибудь от нашей обороны, когда вы лишите страну ядерных бомб.

– Скотт тоже там будет?

– Да, сэр. Джентльмен Джим сделает общий доклад, а затем выступит представитель военно-морских сил.

– Ну, если Прентис даст Скотту повод снова критиковать договор, внимательно послушай его. Если он скажет что-нибудь интересное, позвони мне.

– Конечно позвоню, – пообещал Кларк, вставая из-за стола. – Между прочим, что слышно от Дорис и Лиз?

– Дорис вчера вечером звонила из Луисвилла. Лиз ждет ребенка через день-другой, и уж безусловно на этой неделе. Будущие деды, Рей, уже волнуются.

Элизабет, единственная дочь Лименов, вышла замуж за неделю до вступления отца на пост президента.

– А малыш появится весьма кстати, – заметил Кларк. – Зачем нам упускать возможность, которую можно использовать для повышения вашей популярности в стране?

– Лиз – замечательный маленький политик, – с нежностью сказал Лимен. – Она неплохо рассчитала время рождения ребенка.

– Передайте Дорис и Элизабет мой привет.

Друзья направились в западное крыло здания. Лимен свернул в свой кабинет, а Кларк неторопливо прошествовал через гостиную. В этот ранний час здесь оказалось только два репортера, интересующихся мнением президента о результатах последнего опроса, проведенного институтом Гэллапа.

– Я не знаю, что думает президент, – ответил Кларк, и лицо его расплылось в ленивой улыбке, – но вы можете сослаться на меня, если у вас нет другого материала. Двадцать девять процентов людей все еще считают, что в сорок восьмом году Дьюи победил Трумэна.

Лимен сидел за огромным письменным столом в своем кабинете. Спустя минуту после его прихода из двери соседней комнаты выглянул Поль Джирард. Лимен посмотрел на него и укоризненно покачал головой.

– Судя по вашим глазам, вы поздненько легли спать, – заметил он. – Где вы были вчера вечером?

– В стане врага, – ответил Джирард, угрюмо качая большой некрасивой головой. – Я обедал или, точнее говоря, пил в доме Стьюарта Дилларда – представителя «Всеамериканской корпорации по производству инструментов».

– Будьте осторожны, – с напускной суровостью и в то же время ухмыляясь сказал Лимен. – Не забудьте, что произошло с Шерманом Адамсом и Мэтом Конолли.

– Если вчера вечером я и давал кому-то какие-нибудь обещания, то сегодня уже ничего не помню. К тому же большую часть времени мне пришлось выслушивать заверения этого ублюдка Прентиса в его вечной преданности вам.

– Представляю! Во всяком случае, мы можем утешаться хотя бы тем, что и все остальные терпеть его не могут.

– Судя по тому, как Прентис отзывался вчера вечером о генерале Скотте, они прямо-таки обожают друг друга, – проворчал Джирард.

Джирард достал из кармана белую карточку размером пять на семь дюймов и положил ее в папку на столе Лимена.

– Список встреч на сегодня, господин президент. Первый на очереди Клифф Линдсей. Его время – восемь-сорок, он уже ждет полторы минуты.

– Задержите его еще минуты на две, Поль. Я хочу позвонить кое-куда.

Джирард пошел к себе, а Лимен включил телефон внутренней связи.

– Эстер? Соедините меня, пожалуйста, с вице-президентом. Да, он, вероятно, еще дома.

Рядом с телефоном замигала красная лампочка, и Лимен нажал нужную кнопку.

– Вине?.. Да, я знаю. И это я тоже видел. Как вы посмотрите, если я приглашу вас на ленч? Мне хочется, чтобы вы подбодрили меня… Я хочу поговорить, кстати, и о вашей поездке… Вас устроит в двенадцать-тридцать?.. Ну и чудесно. Спасибо, Вине.

Президент АФТ-КПП[4] Клифф Линдсей слегка поклонился Лимену, когда Джирард ввел его в кабинет. Он молча пожал протянутую ему руку и сел в предложенное кресло.

– Вы просили меня приехать, господин президент? – ничего не выражающим тоном спросил Линдсей.

[4] Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов (АФТ-КПП) – крупнейшее профсоюзное объединение США, созданное в 1955 г. в результате слияния существовавших до этого раздельно организаций АФТ и КПП.

– Да, Клифф, просил. Забастовка на ракетных заводах кажется мне совершенно бессмысленной. Рабочие получают хорошую зарплату, и я не вижу особых причин к недовольству. Возможно, существуют какие-то неизвестные мне причины, и я подумал, что вы можете проинформировать меня о них.

– Вы знаете о событиях только со слов министра труда, – сухо ответил Линдсей. – А мы не считаем его мнение объективным.

– Вы хотите сказать, что он слишком склонен поддерживать интересы рабочих? – улыбнулся Лимен.

– Если вы, господин президент, склонны обратить все в шутку, то могу заверить вас, что исполнительный совет нашей организации смотрит на это дело совершенно иначе.

– А я могу заверить вас, что нам некогда шутить, – резко ответил Лимен. – Я хочу узнать от вас, почему бастуют рабочие.

– Никакого секрета, господин президент. Речь идет о разграничении функций отдельных профсоюзов. Листопрокатчики поспорили с рабочими алюминиевых заводов, шоферы приняли сторону листопрокатчиков, и в результате перед предприятиями появились пикеты. Конечно, хорошего во всем этом мало, но ваш министр труда не имеет права обвинять рабочих в безответственности. Ему прекрасно известно, что так людей не заставишь вернуться на работу.

– Министр сделал такое заявление с моего согласия. Клифф, мне надоела позиция вашей организации – или все, или ничего.

Лицо Линдсея сохраняло спокойствие, но его голубые глаза гневно бегали по комнате.

– Видите ли, – медленно произнес он, – если на прошлых президентских выборах наша позиция по отношению к вам была «все», то в следующий раз она может оказаться «ничего».

– Если это угроза, то вы для нее выбрали плохое время. Русские внимательно следят за нами в связи с договором, и мы обязаны проявить хоть какое-то единство.

– Мне потребуется время, чтобы утрясти все, – не так агрессивно, но все еще жестко ответил Линдсей.

– Даю вам время до понедельника на будущей неделе. Если к этому времени вы не урегулируете положение, мне придется дать министру юстиции указание возбудить дело в суде [5].

Лимен проводил Линдсея до двери. Профсоюзный деятель пожал протянутую ему руку, но снова промолчал, и Лимен сделал вид, что не заметил этого. Клифф был неплохим человеком, но и у него были свои трудности.

По внутреннему телефону Лимен вызвал Джирарда:

– Поль, передайте этим людям из Западной Виргинии, что на торжествах по случаю Дня цветов вместо меня будет присутствовать министр внутренних дел. Объясните им, что у меня срочное заседание Национального совета безопасности или что-нибудь другое.

– А в действительности, господин президент?

– Черт возьми! Мне нужно решить, как действовать дальше, а для этого я должен подумать – хотя бы в виде исключения.

Джирард усмехнулся и отвесил легкий поклон. Лимен не знал никого другого, чья улыбка была бы одновременно такой циничной и такой теплой.

– Понимаю, босс, – ответил он. – Время от времени это необходимо каждому из нас.

Джордан Лимен не сомневался, что был прав в разговоре с Линдсеем и что их беседа принесет положительные результаты, и все же чувствовал себя раздраженным и неудовлетворенным. «Я занял пост президента, – думал он, – в то время, когда Соединенные Штаты из-за

---

[5] Принятый конгрессом США в 1947 г. и действующий до настоящего времени антирабочий закон Тафта – Хартли значительно урезал права и свободы профсоюзов; он, в частности, предоставил судебным органам право выносить решения о прекращении забастовок; этот закон неоднократно применялся правящими кругами США для срыва крупных забастовок американских трудящихся.

грубейших ошибок в Иране растеряли почти весь свой престиж. Требовалось что-то предпринять, и я предпринял. Я начал переговоры о заключении договора по ядерному разоружению и успешно довел их до конца, что не удавалось ни одному президенту США. И чем же меня отблагодарили? Профсоюзы мной недовольны. Бизнесмены всегда относились ко мне враждебно, а теперь, когда отпала необходимость в производстве ядерных боевых частей и нужно заняться чем-то иным, прямо-таки взбешены. Ну а если верить опросу Гэллапа, публика, что бы она собой ни представляла, тоже недовольна».

Лимен не мог понять явно враждебного, казалось, отношения страны к договору. Ни он, ни члены его правительства не могли забыть чувства облегчения, охватившего не только всю страну, но и весь мир в день подписания договора. Какой-то фотограф снял советского премьер-министра при выходе из американского посольства в Вене после продолжавшегося всю ночь заседания. Небритые, утомленные заключительным этапом торга Лимен и русский, стоя на ступеньках крыльца, пожимали друг другу руки, а утреннее солнце заливало своими лучами эту сцену и обещало наступление нового дня. Фотография обошла все газеты мира. Люди смотрели на нее и чувствовали, что на них перестает давить это тяжкое бремя – вечный страх перед ядерной катастрофой.

Однако позже стали распространяться другие настроения. Только теперь Лимен начал понимать, как чувствовал себя Вильсон после Версаля. Сколько ни объясняй с трибуны и в частном порядке, что в соглашении тщательно оговорены твердые гарантии, все равно находились люди, будоражившие общественное мнение криками об «умиротворении» и «продажности». Прения в сенате в связи с ратификацией договора открыли перед каждым сенатором из числа «бешеных» неограниченную возможность для демагогии. Люди забеспокоились, словно вместе с прекращением производства бомб Соединенные Штаты лишались источника существования.

Лимен сожалел о непостоянстве общественного мнения, что проявилось не далее чем сегодня утром, и по-прежнему верил, что в конце концов народ поймет его. Он часто задумывался над этим на протяжении всей своей карьеры – районный прокурор, сенатор штата, прокурор штата, губернатор штата, президент. Вопрос: на чем основана ваша уверенность, что избиратели разумно используют власть, которой они пользуются в США? Ответ: не знаю, но в конечном итоге так получалось всегда. Уже не одно десятилетие Лимен ломал себе голову над этой проблемой. В окнах его кабинета часто до глубокой ночи горел свет – поудобнее устроившись в мягком кресле, он читал все, что было написано о деятельности американских правительств, начиная от писем Джефферсона и кончая отчетами о пресс-конференциях Эйзенхауэра. Он редко уходил по вечерам из кабинета, не захватив из книжного шкафа очередной том с печатными работами президентов.

Врожденная любознательность, заставлявшая Лимена с такой настойчивостью изучать эти проблемы, и приобретенные познания помогли ему выработать столь пригодившиеся сейчас уравновешенность и самообладание. Он мог выйти из себя, но никогда не принимал в таком состоянии ни одного важного решения. Приводя в отчаяние своих помощников, он долго взвешивал все «за» и «против», но, приняв решение, уже никогда от него не отступал. Лимен твердо придерживался этой тщательно продуманной линии и вместе с тем умел отдавать должное своим противникам – не из излишней скромности, а вследствие широты кругозора, хотя другие не всегда это понимали. Он, например, мог откровенно признать, что при определенных обстоятельствах генерал Скотт или министр финансов Кристофер Тодд, мозг его кабинета, были бы более уместны в роли президента. Но хотя в таких случаях Лимен и не добавлял вслух, что в сложившихся обстоятельствах он считает себя фигурой, более подходящей для президентского кресла, про себя-то он рассуждал именно так. И все же те, кто слышали его высказывания, иногда спрашивали себя, не страдает ли он отсутствием уверенности в своих силах. Лимен когда-то и сам размышлял над этим, но если бы его спросили прямо, он ответил

бы, что это не так. Однако никто не задавал ему таких вопросов – тем, кто общается с президентом Соединенных Штатов Америки, не пристало его расспрашивать, так что они оставляли вопрос при себе, как, очевидно, и широкая публика.

Безусловно, Лимен был более сложным человеком, чем могло показаться при беглом ознакомлении с его биографией, говорящей о непрерывных политических победах на всех выборах, где он выставлял свою кандидатуру, и о его непревзойденном мастерстве в закулисной политике. Он добился выдвижения своей кандидатуры на пост президента в результате сделки с человеком, который явился на партийный съезд в Чикаго, располагая обеспеченным большинством голосов в итоге первой баллотировки. Лимен в сопровождении Кларка без лишних слов поднялся на грузовом лифте в комнату Винса Джианелли и прямо сказал ему, что тот никогда не добьется выдвижения своей кандидатуры на пост президента. Джианелли возмутился и начал спорить, но Лимен – он, конечно, все заранее тщательно продумал – так убедительно объяснил ему обстановку, что вскоре неясным остался только один вопрос: согласится ли губернатор Нью-Йорка баллотироваться на пост вице-президента. Прошел час, и Джианелли согласился.

Предвыборную борьбу Лимена против президента Эдгара Фрейзиера в том году, собственно, и нельзя было назвать борьбой. Он выиграл ее уже в самом начале с помощью одной-единственной фразы, произнесенной в речи о своем согласии баллотироваться: «Мы будем спорить до бесконечности, но отныне никогда, нигде и никому не уступим ни клочка нашего свободного мира». Республиканцам так и не удалось преодолеть всеобщего недовольства народа войной в Иране. В частных беседах они издевались над Лименом и Джианелли, обзывая одного из них фараоном, а другого макаронником, и пытались использовать против демократов деятельность Лимена в прокуратуре в Огайо и национальность Джианелли. По подсчетам специалистов, республиканцы, прибегая в предвыборной кампании к подобным оскорблениям, потеряли больше голосов избирателей, чем приобрели. Впервые после Эйзенхауэра кандидаты демократов победили во всех штатах, за исключением семи, подавляющим большинством голосов.

«Да, – думал Лимен, – полтора года назад я победил в сорока трех штатах. А сегодня не смог бы победить и в десяти, хотя и пытаюсь что-то сделать для страны».

Он прошел в туалетную комнату, освежил лицо холодной водой и насухо вытерся.

– Послушай-ка, Лимен, – вслух сказал он, – ты ведь еще жив, старый петух. Ты добьешься успеха. Обязан добиться.

«Опять завел свое, – продолжал он уже про себя, следя за тем, чтобы даже в мыслях его речь звучала властно. – Перестань, Джорди. Ты ставишь себя в нелепое положение».

Лимен вернулся к письменному столу и углубился в чтение разведывательных сводок, оставленных адъютантом. Незнакомый человек принял бы его сейчас за университетского профессора. Ему было пятьдесят два года, на его несколько удлиненном, почти гладком лице бросались в глаза лишь несколько глубоких морщин. В курчавых, редеющих у висков волосах серебрились седые пряди. Он еженедельно подстригался и часто причесывался, и все же его жесткие волосы были постоянно взлохмачены. На крупном носу держались очки в бесцветной пластмассовой оправе. Невысокий, около шести футов ростом, он казался неуклюжим, возможно потому, что при всей своей худощавости имел крупные руки и ноги. Никто не назвал бы его красивым, но зато при первом же взгляде он вызывал доверие, и ни один политик не мог бы пожелать для себя лучшей внешности.

Президент перечитал и подписал первую пачку бумаг, оставленных секретарем, и отложил несколько подготовленных к подписи писем, собираясь продиктовать их заново. Он уже занялся новой кипой почты, когда в кабинет вошла Эстер Таунсенд. Она начала работать с Лименом еще в бытность его прокурором штата Огайо, вместе с ним перешла в дом губернатора, а затем, естественно, и в Белый дом. Никто из аппарата Джордана Лимена не изучил

его так хорошо, как эта высокая блондинка со светло-карими глазами и спадавшей на лоб прядью волос. Она знала Лимена настолько хорошо, что ему лишь в редких случаях приходилось давать ей какие-либо разъяснения. В свою очередь, и он доверял ей так, что никогда не сомневался в правильности ее решений.

– Прибыл вице-президент, – доложила Эстер. – Вы еще хотите побыть один?

– Нет, Эстер, спасибо. Сегодня я уже достаточно поработал мозгами. Скажите, пусть ленч подадут сюда.

За ленчем оба они посетовали по поводу явного падения популярности руководимого ими правительства.

– Я еще не убедил страну в необходимости договора, Вине, – заметил Лимен, – слишком долго мне пришлось увещевать сенат. К вашему возвращению из Италии я подготовлю план. Не беспокойтесь, мы выберемся из этого положения. Мы можем и обязаны это сделать, потому что правда на нашей стороне.

– Я ни в чем вас не виню, господин президент. Результаты опроса института Гэллапа на этот раз отрицательные. Ну и что? В жизни всякое бывает. Месяца через два вы станете героем.

– А вы, Вине, станете героем уже на этой неделе. Подумать только! «Наш земляк, сделавший карьеру!» – Лимен послал ему воздушный поцелуй. – Как вам удалось придумать этот уикенд в деревне деда? Блестящая идея!

Вине широко улыбнулся, подмигнул и замахал руками, не забывая вместе с тем отправлять в рот куски мяса. Лимен никак не мог привыкнуть к неиссякаемому аппетиту Джианелли и к торопливости, с которой он его удовлетворял. Впрочем, Вине как-то заметил: «Если бы вы нуждались в человеке с аристократическими манерами, вам следовало баллотироваться с кем-нибудь из Принстона и… потерпеть поражение».

– Ну, плоды-то буду пожинать я, а идею знаете кто подал? Прентис, вот кто! Я намечал провести субботу в Корнилио и выступить там с небольшой речью. В прошлую пятницу Прентис встречает меня в гардеробе и спрашивает, что я намерен делать на родине моих предков. Я коротенько рассказал. Ни с того ни с сего он тычет пальцем мне в лицо, как обычно, и начинает напевать всякую дребедень о традициях, чувствах, о голосах американцев итальянского происхождения. Подумать только, говорить мне подобные вещи! Потом спрашивает: почему бы не усилить всю эту трескотню о моем возвращении на родину и не провести там пару деньков? От кого бы ни исходила такая мысль, предложение мне понравилось. Я немедленно согласился, а вчера мои ребята «нечаянно» проболтались газетчикам.

– Прентис, конечно, умен, – сухо согласился Лимен. – Он причинил нам уже немало неприятностей из-за договора.

– Ничего, он тоже займет правильную позицию, когда все немного утрясется. Уж я-то знаю. Я тоже не доверяю этому мерзавцу, но хорошая мысль остается хорошей, кто бы ее ни подал. Так?

– Так, Вине. Ваша поездка в эту, как ее там, деревню просто очаровательна.

– Какое тут очарование? Трескотня, и все, – возразил Джианелли.

– Трескотня так трескотня, – улыбаясь, согласился Лимен. – Нам сейчас и трескотня пригодится.

Они заговорили о различных политических сплетнях. Часто бывая в кулуарах сената и у спикера палаты представителей, Джианелли регулярно снабжал Лимена полезной, хотя и не очень солидной информацией.

Вице-президент расправился с мороженым, похлопал себя по животу и встал из-за стола.

– Не унывайте, шеф. Теперь дела должны пойти хорошо. – Он помахал с порога: – Арриведерчи, господин президент.

Выйдя от генерала Скотта, Кейси занялся своими служебными делами в том строгом порядке, в котором обычно начинал свой день. Пока председатель комитета начальников штабов беседовал с сэром Гарри Ланкастером, Кейси читал различные сообщения, запросы, подтверждения о получении приказов – почту, поступившую после его ухода со вчерашнего дежурства. Отобрав все то, что требовалось доложить лично Скотту, и добавив бумаги, полученные в воскресенье, Кейси вскоре после ухода начальника штаба британской армии вновь направился в кабинет в коридоре «Е».

Скотт в благодушном настроении попыхивал первой за день сигарой. Кейси даже показалось, что он чувствует исходящее от генерала сияние, словно стоит на пляже в первых жарких лучах утреннего солнца. Редкий человек, оказавшись в обществе Скотта, мог устоять перед его обаянием.

– Глядя на вас, Джигс, можно подумать, что вы с похмелья, а ведь вы вчера дежурили.

– Вчера вечером, генерал, мы с Мардж были в гостях. У Диллардов собралась вполне приличная компания. По-моему, вы встречались с ним. Он представляет интересы «Всеамериканской корпорации по производству инструментов».

– Я знаю кого-нибудь из гостей?

– Да, сэр. Мне кажется, главными гостями были Поль Джирард из Белого дома и сенатор Прентис.

Скотт принялся внимательно рассматривать тоненькую струйку сигарного дыма, извивающуюся в капризных потоках кондиционированного воздуха, затем тихонько рассмеялся.

– Не сомневаюсь, – заметил он, – что они устроили там целую дискуссию по поводу договора. Прентис, конечно, защищал нашу точку зрения?

– Он был довольно откровенен, сэр, и высоко отзывался о вас.

«Зачем он спрашивает меня об этом? – недоуменно подумал Кейси. – Несомненно, Скотт уже говорил об этом с Прентисом вчера вечером у себя на квартире».

Не зная, как вести себя дальше, Кейси перешел к делам.

– Вот здесь папка с сообщениями, генерал… Кстати, сэр, не найдете ли вы целесообразным пригласить несколько конгрессменов для наблюдения за проведением «Всеобщей красной»? Наш престиж в Капитолии отнюдь не пострадает, если руководство конгресса удостоверится, как четко мы можем работать, если нужно.

Скотт положил на стол руки с широко раздвинутыми пальцами и так крепко прижал их, что побелели ногти. Кейси давно уже подметил у Скотта эту подсознательную манеру тренировать мышцы рук: он то сжимал кулаки, то давил ладонями на какой-нибудь предмет, то с силой нажимал одной ладонью на другую.

Прежде чем ответить, Скотт посмотрел на Кейси, потом взглянул на потолок.

– Нет, Джигс. Я хочу проверить не только нашу готовность, но и то, как мы умеем хранить тайну. Сейчас в конгрессе никто ни о чем не подозревает, и нужно, чтобы и дальше все сохранялось в строжайшем секрете.

Кейси хотел сказать, что сенатору Прентису уже известно о предстоящей тревоге, но, снова вспомнив о странной встрече накануне вечером в Форт-Майере, решил промолчать.

– Время для «Цистерны», – заметил Скотт, взглянув на часы. – Пойдемте со мной, немного подождете там. Возможно, у нас возникнут кое-какие вопросы и потребуется ваша помощь.

«Цистерной» называли большой конференц-зал комитета начальников штабов. Уже одно название показывало, как угнетающе действовал зал на всех тех, кто в нем бывал. Постоянно опущенные шторы, темная, унылая мебель, нелепо раскрашенные стены придавали залу мрачный вид. Только несколько ярких флажков между окнами оживляли это помещение. Их было девять: личные флажки начальников штабов, штандарты каждого вида вооруженных сил и флажок председателя комитета начальников штабов – сине-белый прямоугольник, разделенный

по диагонали, с двумя звездами на каждой половине и с американским орлом, несущим щит и три золотистые молнии.

Когда Кейси уже сидел на стуле около двери, ведущей в зал, один за другим стали приходить начальники штабов.

Первым появился начальник штаба армии генерал Эдуард Диффенбах – коренастый парашютист с черной повязкой на глазу. Он шел так, словно по-прежнему носил высокие ботинки парашютиста, и явно хотел показать, что все еще считает себя бывалым солдатом воздушной пехоты.

Начальник штаба ВВС генерал Паркер Хардести не нуждался в подобных украшениях – их вполне заменяли ему курчавые каштановые волосы и длинная сигара.

Следующим явился командующий морской пехотой генерал Уильям (Билли) Райли, обладатель самых невинных голубых глаз и самого выдающегося подбородка во всех американских вооруженных силах. В отличие от своих коллег, слегка кивавших Кейси, Райли остановился и подмигнул ему.

– Опять иду в «Цистерну» биться за морскую пехоту, Джигс, – заметил он. – И как всегда, в меньшинстве.

Выглянул Скотт, но только для того, чтобы закрыть дверь. «Минуточку, генерал, – подумал Кейси, – вам еще придется подождать флот». Однако заседание началось, а начальник штаба ВМС адмирал Лоренс Палмер все еще не появлялся. Скотт, должно быть, знал, что адмирал не будет присутствовать.

Заседание с участием четырех генералов продолжалось минут двадцать. Как только генералы вышли из зала, Скотт пригласил Кейси и жестом предложил ему сесть. Кейси опустился на «стул ВВС», на котором только что сидел генерал Хардести. Крепко сжимая руки, Скотт подошел к окну, собираясь поднять штору. Кейси, постукивая пальцами по большой серой пепельнице, стоящей прямо против места, где сидел Хардести, задел какую-то скомканную бумажку и стал рассеянно вертеть ее, пока Скотт не вернулся к столу и не закурил новую сигару.

– Джигс, – заговорил генерал, – Мердок доложил мне, что вы прослышали о наших ставках на тотализаторе в Прикнессе. Я буду рассматривать как личное одолжение, если вы сохраните это строго между нами.

Кейси не смог скрыть удивления.

– Не беспокойтесь, сэр, – улыбнулся он. – Я только хочу, чтобы вы не ошиблись с выбором лошади… Но, говоря серьезно, я всегда уважал вашу личную переписку, генерал.

– Надеюсь, вы сохраните в секрете и ответ адмирала Барнсуэлла.

– Безусловно, сэр.

Скотт шутливо наморщил брови.

– Высокое звание дает определенные привилегии, полковник. Вы поймете это, когда сами станете генералом. – Тут он улыбнулся Кейси и добавил: – Что, как я надеюсь, уже не за горами.

Слова Скотта взбудоражили Кейси.

– Вообще-то говоря, генерал, во время воскресных дежурств я стараюсь ограничиться только служебной перепиской. Личная почта председателя комитета начальников штабов меня не касается, но на этот раз… Одним словом, сэр, молодой офицерик из шифровалки – порядочный болтун.

– Слышал, слышал. Его фамилия, кажется, Хаф?

– Да, сэр.

Вернувшись в свой кабинет, Кейси обнаружил, что все еще держит в руке скомканную бумажку, которую он взял со стола в конференц-зале. Размышляя над словами Скотта о том, что ему, возможно, присвоят очередное звание, Кейси машинально развернул смятую бумагу. По положению ему предстояло пробыть полковником еще три года, прежде чем начать помыш-

лять о генеральском звании. Ну, а к той поре благодаря договору о разоружении с генеральскими вакансиями, видимо, будет не так уж густо. Во всяком случае, так рассуждало великое множество жадных до производства в генералы полковников, которые тут околачивались. Стоило ли тратить время на подобные размышления?

Но почему вдруг такая возня вокруг этих сообщений о скачках в Прикнессе? Скотт, говоря о них, чувствовал себя явно не в своей тарелке. Судя по всему, он явно оборонялся, а такого полковник не замечал за ним в течение всей их совместной службы… Кейси разгладил клочок бумаги – он оказался страницей одного из блокнотов, лежавших на столе в конференц-зале.

Рукой Хардести на ней было что-то написано карандашом, и Кейси прищурился, пытаясь разобрать слова. Насколько он понял, в записке говорилось:

«Воздушный мост» ОСКОСС. 40 «К-212» на базу «У» к 7:00 суб. Чик, НИ, ЛА. ЮТА?»

«К-212» был новейшим реактивным самолетом военно-транспортной авиации, способным поднимать одновременно до сотни солдат в полном боевом снаряжении и с легким вооружением. Опять этот странный ОСКОСС. «Черт возьми, но что же, наконец, происходит?» – спросил себя Кейси. Написано действительно рукой Хардести. Зачем нужно столько транспортных самолетов для тревоги в субботу? Пряча бумагу в карман, Кейси начинал понемногу злиться. Почему вся операция держится в секрете от начальника объединенного штаба, который, как предполагается, должен знать все?

Часа через два, направляясь в столовую, Кейси встретил в коридоре Дорси Хафа. На его желтоватом лице уже не было прежнего скучающего выражения, оно светилось торжествующей улыбкой.

– Привет, полковник! Помните, я говорил вам о переводе? Не иначе, кто-то подслушал меня. Несколько минут назад вопрос решен, и я отправлюсь в милый Пирл-Харбор.

Он попытался – не совсем удачно, вильнув бедрами, изобразить танец хула-хула и подмигнул Кейси:

– Да, между прочим, только Барнсуэлл отказался сыграть с председателем в тотализатор. Все остальные согласились.

Не ожидая ответа, он вперевалку отправился дальше по коридору, насвистывая «Милашку Лейлани».

«Бог ты мой, – подумал Кейси, – для разговоров с идиотами, которых здесь – хоть пруд пруди, моих четырех часов сна этой ночью явно недостаточно. Ведь это же шут гороховый! И как только подобных типов допускают к шифровальной работе? Слава богу, что японцы сейчас не угрожают Пирл-Харбору!»

Во второй половине дня, вручив секретарю Скотта еще одну папку с бумагами, Кейси встретился со знакомым полковником войск связи, выходившим из кабинета генерала. Офицеры чуть не столкнулись лбами в дверях приемной.

– А, сколько лет, сколько зим! Подумать только! Мой любимый сухопутный моряк! – воскликнул офицер и, вытащив Кейси в коридор, принялся в упор рассматривать его с головы до ног.

– Здравствуй, Бродерик, – ответил Кейси, пытаясь скрыть недовольство фамильярностью офицера и этим оскорбительным для всякого морского пехотинца обращением – «сухопутный моряк». – Я думал, ты на Окинаве или еще где-нибудь почище.

– Ну уж только не я, Джером, только не я! – И тяжеленной рукой Бродерик больно хлопнул Кейси по спине.

Старая неприязнь к этому человеку вновь охватила Кейси. Полковник Джон Р. Бродерик имел на редкость безобразную внешность. Его брови сливались в сплошную черную полосу,

на правой щеке виднелся шрам, а кисти рук покрывали густые черные волосы. Впервые увидев его лицо, искаженное гримасой презрения, Кейси решил, что это самый наглый тип из всех, кого Кейси знал.

Они не понравились друг другу с первого взгляда – как только познакомились в офицерском клубе на военно-морской базе в Норфолке много лет назад, участвуя в совместных учениях по высадке морского десанта: Кейси в качестве стажера общевойсковой офицерской школы в Квантико, а Бродерик вновь испеченным вторым лейтенантом пехоты. Оба были в баре, когда Бродерик сказал что-то оскорбительное в адрес морских пехотинцев. Кейси выразил уверенность, что Бродерик, несомненно, хотел сказать что-то другое, но тот повторил свою грубость, и Кейси предложил ему вместе выйти на улицу для «объяснения». Однако Бродерик в ответ ударил Кейси и тут же сам получил удар. Хорошо еще, что друзья разняли их, а в баре не оказалось никого из старших офицеров.

В последующие годы они встречались редко. Последняя встреча произошла в Иране, где, как помнил Кейси, Бродерик, уже командир батальона связи, постоянно жаловался, что Соединенные Штаты ни черта не будут стоить до тех пор, пока страна «не получит достаточно волевого и сильного президента, способного на пару лет разогнать проклятый конгресс». Как ни странно, но их жены дружили, и Кейси пришлось помучиться не один вечер, слушая, как Бродерик яростно громил президента, демократов и республиканцев и всех политиков вообще. Несколько месяцев назад Бродерик и его жена исчезли из Вашингтона, и Кейси и в голову не пришло поинтересоваться, куда они уехали.

В дни их знакомства Бродерик каким-то образом разузнал, что может в любую минуту рассердить Кейси, называя его уменьшительным именем, чего Кейси терпеть не мог.

– Джером, мальчик, – продолжал Бродерик, – говорят, ты занимаешь очень ответственный пост – начальника объединенного штаба… Ответственный пост…

Кейси захотелось влепить ему еще одну хорошую затрещину. Одно из ужасных свойств Бродерика заключалось в привычке дважды повторять сказанное, словно его собеседник был глухим, или слабоумным, или и тем, и другим вместе.

– Послушай, Бродерик, где ты сейчас служишь?

– О нет, нет! Я теперь, дружок, засекречен с головы до пят, с головы до пят… Вот приехал на день в город с докладом председателю.

Кивком он указал на кабинет Скотта и снисходительно улыбнулся.

– Дело твое, Бродерик. Обычно ты всегда добиваешься своего.

– Ты прав, Джеромчик, ты прав. Ну пока!

Спустя несколько минут, когда Кейси, все еще раздраженный, снова сидел за своим столом, позвонила Мардж. Она только что закончила партию гольфа в военно-морском офицерском клубе и собиралась заехать в школу – захватить ребят.

– Джигс, кого, по-твоему, я встретила в клубе?

– Черта полосатого.

– Знаешь, милый, ты что-то неудачно шутишь по понедельникам… Элен Бродерик – вот кого! Она напускает на себя такую таинственность – ну прямо Мата Хари. Не хочет даже сказать, что сейчас делает ее Джон. Говорит, он на каком-то ужасно засекреченном объекте около Форт-Блисса. Разве ты, дорогой, не в курсе всех этих секретных дел?

– Конечно в курсе, – ответил Кейси, а про себя добавил: – «Был до недавнего времени».

– Ну так я буквально сгораю от любопытства. Это так загадочно и так интересно… Ты когда вернешься домой?

– Да, пожалуй, как всегда. Часов в шесть.

Кейси взял со стола карандаш и задумчиво повертел его в руках. Значит, Бродерик командует какой-то засекреченной частью, расположенной около Форт-Блисса, так? Это совпадает с тем, о чем вчера рассказывал Матт Гендерсон. Повинуясь какому-то предчувствию,

Кейси достал из кармана клочок бумаги, который дал ему Матт, и набрал записанный на нем номер телефона. Гендерсон сразу же поднял трубку.

– Привет, Матт, говорит Джигс. Проверяю, здесь ли ты еще. Когда отбываешь?

– Часа через два, как только мой начальник закончит доклад Скотту.

– Надеюсь, ты ладишь с Джонни Бродериком лучше, чем я? – деланно небрежным тоном заметил он. – Этот тип страшно действует мне на нервы.

– Да, привыкнуть к нему трудновато, но зато как командир он незаменим. Наша часть все время начеку. Люди его терпеть не могут, а все же лезут из кожи вон. Дисциплину он тут навел – лучше некуда.

– Ну что ж, Матт, желаю успеха. Дай знать о себе, когда снова наведаешься в наши края.

«Бог мой, – подумал Кейси, положив трубку, – Скотт выбрал самого настоящего фашиста командовать своим ОСКОСС, что бы ни скрывалось за этим словом».

Кейси взял пачку бумаг из входящей почты и попытался углубиться в работу, но не мог. На ум все время приходили события двух последних дней. В конце концов он отодвинул почту и некоторое время сидел, недоумевая, почему, собственно, он так встревожен. Внезапно он вскочил, убрал со стола бумаги, закрыл сейф и надел фуражку.

– Мисс Харт, – сказал он секретарше. – Вызовите машину. Я еду домой. Если будет что-нибудь срочное – звоните.

Собственная машина Кейси стояла у подъезда, когда он подъехал к дому на служебном автомобиле. Ребят не было, а Мардж хлопотала на кухне.

– Сейчас только четыре часа, Джигс! – удивленно заметила она. – Ты что, заболел?

Но он так крепко обнял ее, что полностью рассеял все ее сомнения относительно его здоровья. Когда Мардж с трудом вырвалась из его рук, он, улыбаясь, ответил:

– Я абсолютно здоров. Мне нужна машина съездить по делу. Я скоро вернусь.

Кейси переоделся в спортивные брюки и рубашку, сел в машину и повел ее по автостраде Джорджа Вашингтона вдоль Потомака, мимо фешенебельных домов, расположенных на возвышении, пока не добрался до больших водопадов. Он оставил машину здесь, а сам по тропинке поднялся на выступ скалистого берега, откуда открывался вид на каскады.

Присев на обломок скалы, он стал смотреть, как бурая вода Потомака падает с каменных уступов, образуя темные, доходящие до дна водовороты, а затем мчится дальше. Кейси смотрел, но, погруженный в глубокое раздумье, ничего не видел.

Упоминание Прентиса о тревоге… Отказ адмирала Барнсуэлла играть в тотализатор с председателем и сделать ставку в десять долларов… Этот ублюдок Бродерик… ОСКОСС… Скомканная записка генерала Хардести о воздушной переброске войск в Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес и… может быть, в Юту… Почему в Юту? Зачем вообще нужна эта переброска? Что это за база «У»? Почему Скотту понадобилось что-то скрывать от него?..

События и эпизоды последних двух дней кружились в сознании Кейси, подобно воде у подножия водопадов. Он пытался разобраться в них. По какой-то причине – он не мог понять по какой – на ум все время приходила поездка вице-президента. Кейси опять почувствовал ту же тревогу и озабоченность, что и в воскресенье утром и накануне вечером, когда долго не мог заснуть. Пристально всматриваясь в бурлившие рядом водопады, Кейси снова и снова спрашивал себя, что все это может значить…

Так просидел он около часу, не замечая ни прогуливающихся парочек, ни проносившихся мимо ребятишек. Наконец, он встал, потянулся и медленно побрел по тропинке обратно. Все еще погруженный в свои мысли, Кейси направил машину вдоль реки, к городу, и только в Лангли, заметив рядом с бензозаправочной колонкой будку телефона-автомата, полностью пришел в себя.

Свернув с шоссе, он вышел из машины, опустил монету в автомат и набрал номер.

– Белый дом, – будничным тоном ответила телефонистка. – Кейси глубоко вздохнул, хотел что-то сказать, но заколебался.

– Белый дом, – уже вопросительно повторила телефонистка.

– Поля Джирарда, пожалуйста, – попросил Кейси, обретая наконец голос.

– Как доложить, кто ему звонит?

– Полковник Мартин Кейси.

– Минуточку, полковник.

Однако прошло больше минуты, прежде чем Джирард взял трубку:

– Знаешь, Джигс, если ты собираешься пригласить меня выпить, я перережу тебе глотку, когда встречу.

– Поль, – сказал Кейси, не находя сил ответить шуткой на шутку, – я хочу видеть президента.

– Да? Только и всего? Ты что делал вчера, когда вернулся домой? Начал все сначала? Наверно, поэтому ты и сейчас не совсем в своем уме.

– Поль, я хочу видеть президента, – повторил Кейси. – Я не шучу.

– А почему бы и нет? Придумай, чтобы в сутках было сорок часов, и тогда он примет и тебя, и всех остальных.

– Я серьезно, Поль. Мне нужно обязательно его видеть.

– Хорошо, милый, – Джирард рассмеялся коротким покровительственным смешком. – Как ты посмотришь, если я зарезервирую для тебя несколько минут в следующий раз, когда у нас, например, будет твой босс? Тогда и ты окажешься более кстати… А уж я постараюсь потом протолкнуть тебя…

– Гм… Я должен увидеть его как можно скорее. Сегодня же.

– Сегодня же? – переспросил Джирард, и впервые в его голосе прозвучали нотки профессиональной настороженности. – Что там у тебя, Джигс? Может, пожар в Пентагоне?

– Поль, я не могу сейчас вдаваться в подробности.

– Дядюшке Полю, Джигс, ты можешь рассказать все. Эта линия защищена от подслушивания.

– Не в том дело, Поль. – В телефонной будке было душно, и Кейси покрылся потом, но не от духоты. – Поль, я ничего не могу тебе рассказать… Речь идет… о безопасности страны.

Кейси знал, что многие известные ему сведения по вопросам, касающимся обороны, не известны Полю Джирарду – считалось, что в этом нет необходимости. Он надеялся, что теперь ему достаточно будет лишь намекнуть на безопасность страны, но оказалось, что это не так.

– Черт возьми, Джигс, что-то ты больно высоко метишь! Почему бы тебе не обратиться к Скотту или к министру обороны?

– Не могу, Поль.

– Ну, я, кажется, начинаю понимать, – иронически заметил Джирард, видимо снова решив обратить все в шутку. – Ты хочешь перепрыгнуть через голову своего начальства? Уж не намерен ли ты просить о назначении тебя председателем комитета начальников штабов?

Кейси с силой сжал телефонную трубку.

– Послушай меня, Поль. Ты же понимаешь, что я рассказал бы тебе все, если бы мог. Мне очень хотелось бы рассказать. Возможно, это сделает сам президент – все зависит от него. Понимаешь, это связано с вещами, о которых тебе ничего не известно, и я не имею права говорить о них даже с тобой. – Кейси замолчал.

– Продолжай, Джигс. – Голос Джирарда звучал на этот раз серьезно, и Кейси понял, что ему наконец удалось его убедить.

– Я уже сказал, что речь идет о безопасности страны. Точнее, о… безопасности правительства. Президент должен все узнать, и как можно скорее.

Джирард некоторое время молчал, и Кейси показалось, что прошла целая вечность. Наконец, он заговорил, теперь уже совсем деловым тоном.

– Ну а как относительно завтрашнего утра? Могу устроить прием на восемь-тридцать.

– Значит, будет потеряно еще двенадцать часов. К тому же я могу прийти только вечером.

– Да? – Снова наступила пауза, потом Джирард сказал: – Подожди у телефона, Джигс. Я переговорю со Стариком и выясню, что можно сделать.

Кейси расстегнул ворот рубашки, приоткрыл дверь кабинки и закурил. Он уже выкурил половину сигареты, когда в трубке снова послышался голос Джирарда:

– Все в порядке, Джигс. Приходи сегодня вечером, ровно в восемь-тридцать, к восточному подъезду, я буду тебя ждать. Надеюсь, у тебя действительно важное дело, как ты утверждаешь, а то ведь президент терпеть не может всяких ночных бесед.

– Спасибо, Поль. Дело действительно крайне важное. Кстати, расскажи президенту все, что знаешь обо мне. Он должен внимательно меня выслушать.

Понедельник, вечер

Кейси поставил машину в гараж на улице «Ф» и обошел вокруг здания казначейства. На город, гася дневной свет, подобно вуали, опускались мягкие вечерние сумерки. Статуя Альберта Галлатена перед зданием казначейства в полумраке казалась ожившей и очень дружелюбной. Пенсильвания-авеню была почти безлюдна – улицы Вашингтона, в отличие от Парижа и Лондона, после захода солнца пустели. Европейцы иронизируют над этой особенностью Вашингтона, а, по мнению американцев, она придает их столице особый колорит одинокого и величавого достоинства. Кейси же пустынные улицы только радовали, он не хотел попадаться кому-нибудь на глаза.

Уже много раз Кейси видел эту картину: огромные вязы, образующие зеленый тоннель над тротуаром, ведущим к Белому дому; одинокий гид в белой шапочке на углу, не теряющий надежды дождаться какого-нибудь запоздалого туриста; редких людей, дремлющих на скамейках в парке Лафайета; свет большого фонаря на галерее Белого дома. Но сегодня все это казалось Кейси каким-то нереальным, до странности далеким от того, что привело его сюда.

Кейси свернул за угол Ист-Экзекьютив-авеню и быстро подошел к восточным воротам с караульной будкой и полицейским из охраны Белого дома. Джирард поджидал Кейси на подъездной дорожке за воротами. Как всегда, его глаза были полуприкрыты веками, словно шторками, руки небрежно засунуты в карманы брюк.

– Это он, – бросил Джирард полицейскому. – Все в порядке.

По широкому коридору восточного крыла они направились в центральную часть здания. Джирард не пытался скрывать свое любопытство:

– Ну что там у тебя стряслось?

– Я же говорил, Поль, что ничего не могу тебе рассказать. Пусть решит сам президент. Он знает обо мне?

– Конечно. – Они остановились у лифта. Прежде чем нажать кнопку, Джирард, помолчав, заметил: – Послушай, Джигс. Я надеюсь, твой приход не будет означать новых неприятностей? У Старика их и без того по горло.

Дверцы кабинки распахнулись, и они вошли в лифт. Отделанная ореховым деревом, застланная дорогим коричневым ковриком, кабина с двумя овальными окошечками в дверцах напоминала маленькую комнату. На втором этаже Джирард жестом предложил Кейси выйти и провел его по холлу – огромной, похожей на пещеру комнате.

Овальный кабинет президента, как предполагал полковник, находился непосредственно над богато отделанным Синим залом, где Кейси доводилось бывать. Здесь, в жилых комнатах, благодаря коврам и мебели, обтянутой чехлами приятного желтого цвета, казалось както теплее, но сам кабинет, по мнению Кейси, был слишком велик, чтобы выглядеть уютным и нравиться. Высокий потолок, украшенные пилястрами стены, книжные шкафы во всю стену, огромный камин давили на Кейси, заставляли его чувствовать себя каким-то очень уж маленьким.

Когда Кейси и Джирард вошли в кабинет, президент Лимен читал; его большие ноги почти совсем скрывали подставленную под них скамеечку. Ирландский сеттер, с шелковистой красновато-коричневой шерстью и печальными глазами, свернулся клубком на коврике у кресла президента. Лимен встал, положил очки на стол и, улыбаясь и протягивая большую руку, пошел навстречу. Сеттер поднялся и поплелся за ним, остановился перед Кейси и деловито обнюхал манжеты его брюк.

– Здравствуйте, полковник. Рад вас видеть даже в такое неурочное время.

– Да, но если он пришел из-за какого-нибудь пустяка, – заявил Джирард, – я его придушу. – Он направился к двери: – Ну, оставляю вас наедине.

– Полковник, – заговорил Лимен, как только Джирард закрыл за собой дверь. – Познакомьтесь с Триммером. Это политический пес. У него нет абсолютно никаких убеждений, зато он предан своим друзьям.

– Я слышал о нем, сэр, – ответил Кейси. – Здравствуй, Триммер.

– Бывали здесь когда-нибудь раньше, полковник?

– Нет, сэр. Только на приемах внизу. Ужасно большие комнаты, сэр.

– Слишком велики, чтобы жить, и слишком малы для партийных съездов, – засмеялся Лимен. – Я не виню Гарри Трумэна и остальных за то, что они под всякими предлогами старались как можно реже бывать в них. У меня тут тоже иногда мурашки по коже бегают. – Костлявой рукой, высунувшейся из манжеты, он обвел комнату широким жестом. – Для балов эта комната вполне пригодна, лучшей и желать нечего. Говорят, она выглядела довольно казенно, пока миссис Кеннеди не отделала ее в желтый цвет. Она же раскопала где-то вот эту скамеечку для ног. Фрейзиеры тут ни к чему не прикасались, ну а мы с Дорис тоже решили ничего не переделывать.

Кейси чувствовал себя крайне неловко. Он много раз встречался с высокопоставленными лицами, включая и Лимена, но сейчас, когда он слушал невинную болтовню президента, явно рассчитанную на то, чтобы придать беседе непринужденный характер, причины, которые привели его сюда, внезапно показались ему не заслуживающими внимания. То, что в грохоте водопадов казалось чем-то ужасным и требовало неотложных действий, теперь стало смутным и нереальным. Растерянный и смущенный, Кейси стоял, не зная, что сказать.

– Хотите чего-нибудь выпить, полковник?

– Что?.. Да, да! Виски, если можно, сэр. Не очень крепкое, если вы не возражаете, сэр.

– Чудесно. Я составлю вам компанию.

С бокалами в руках они уселись в покрытые желтыми чехлами кресла у низенького столика. Триммер, не спуская с Кейси глаз, вновь устроился на коврике. Со стены, с висевшего над камином портрета работы Хели, на них надменно и неодобрительно посматривала Евфимия ван Рансселер. Кейси сидел лицом к высоким, с тюлевыми шторами окнам, выходившим на погруженный в полумрак Эллипс[6]. Из фонтана на южной лужайке била струя воды, почти касаясь нависавшего над ней балкона. Вдали, около бассейна, вздымался купол памятника Джефферсону с освещенной мягким светом центральной статуей. Значительно ближе и чуть левее торчал серый шпиль памятника Вашингтону с красными сигнальными огнями для самолетов.

– Ну а теперь, полковник, перейдем к вашему делу о безопасности страны, – сказал Лимен, взглянув на Кейси.

Кейси облизнул губы кончиком языка, растерянно помолчал и наконец заговорил, употребляя отрепетированные еще в машине выражения:

– Господин президент, вы когда-нибудь слышали о воинской части под названием ОСКОСС?

– Кажется, нет. Что это такое?

– Точно не скажу, сэр, но в соответствии с общепринятыми у нас в армии сокращениями это должно означать что-то вроде «Особый контроль систем связи».

– Никогда не слышал.

Кейси отважился на следующий шаг.

– Я отдаю себе отчет, сэр, что какой-то там полковник не имеет права задавать вопросы верховному главнокомандующему, но все же скажите: вы когда-нибудь давали согласие на формирование засекреченной воинской части, как бы она ни называлась, имеющей отношение к охране телефонной связи, телевидения, радио?

– Нет, не давал, – недоумевающе ответил Лимен, наклонясь к Кейси.

---

[6] Сквер, расположенный позади Белого дома и окаймленный дорогой в форме эллипса.

– Я снова должен извиниться, сэр, но у меня есть еще один вопрос. Вам что-нибудь известно о секретном военном объекте, созданном недавно где-то близ Эль-Пасо?

– Я опять отвечаю: нет, полковник. В чем дело?

– Видите ли, сэр, до вчерашнего дня я тоже ничего об этом не слышал. А в качестве начальника объединенного штаба я допущен ко всем секретам и должен знать все, что происходит в вооруженных силах. Тем более должны были бы быть в курсе дела вы, верховный главнокомандующий.

Лимен отпил глоток вина. Кейси взял свой бокал и с чувством облегчения тоже отхлебнул из него.

– Вы знаете, господин президент, – продолжал он, – после ваших отрицательных ответов мне стало по-своему даже как-то легче, хотя в общем-то оснований для этого никаких. Я хочу сказать, если бы вы подтвердили, что вам известно об ОСКОСС, мне оставалось бы только извиниться за беспокойство и с вашего разрешения удалиться с чувством неловкости. Но, господин президент, дела, как видно, плохи. Я встревожен, сэр.

– Ну, нас тут не так-то легко запугать, полковник. Надеюсь, вы расскажете мне все сначала.

– Видите ли, сэр, от своего старого приятеля, некоего полковника Гендерсона, я узнал вчера, что он занимает пост начальника штаба ОСКОСС. Сегодня мне стало известно, что командиром у него другой мой знакомый – полковник Джон Бродерик. Оба они офицеры войск связи, и, следовательно, их часть имеет какое-то отношение к системам связи. В ней сто офицеров и три тысячи пятьсот солдат, и вот уже в течение шести недель они проходят секретное обучение на объекте, расположенном в пустыне около Эль-Пасо.

С Гендерсоном мы встретились случайно, он, естественно, считает, что я благодаря своему положению знаю все. Он бросил одну странную фразу, она-то и заставила меня задуматься. Гендерсон сказал, что они больше обучаются штурмовать различные объекты, чем защищать их. Он добавил, что кто-то в верхах охвачен, как видно, пораженческими настроениями – потому-то боевая подготовка строится так, словно противник уже захватил что-то, а они готовятся отбивать захваченное…

– Что отбивать? – прервал его Лимен.

– Он ничего не сказал.

– По чьему указанию сформировано подразделение?

– Предполагаю, сэр, по указанию генерала Скотта. По крайней мере Бродерик и Гендерсон сегодня докладывали лично председателю комитета начальников штабов… Услыхав об этом, я решил, что от меня скрывают некоторые факты по вполне понятным соображениям секретности. В тот момент мне и в голову не пришло, что вы тоже можете ничего не знать. Я только подумал, не слишком ли все это странно. Сегодня утром опять произошло нечто непонятное. Вот, сэр, взгляните.

Кейси достал из бумажника лист блокнота, развернул его и передал президенту. Лимен надел очки и некоторое время всматривался в бумажку.

– Не скажу, полковник, что мне понятны эти каракули.

– Почерк генерала Хардести, сэр, он мне хорошо знаком. Вы держите страницу одного из блокнотов, что обычно лежат на столе в конференц-зале комитета начальников штабов. Страница была скомкана и валялась в пепельнице, а потом попала ко мне в руки.

– Да, но что тут говорится? Я не понимаю даже того, что разбираю, не говоря об остальном.

Лимен протянул бумагу Кейси.

– «Воздушный мост» ОСКОСС. Сорок «К-двести двенадцать» на базу «У» к семи нольноль суб. Чик, Ни, Ла. ЮТА?» – громко прочитал Кейси. – Мне кажется, сэр, что реактивные транспортные самолеты военно-воздушных сил «К-двести двенадцать» перед началом тревоги

в субботу должны будут приземлиться на базе «У» – так Гендерсон назвал секретную базу около Эль-Пасо – и перебросить подразделения в Чикаго, Нью-Йорк, Лос-Анджелес и, возможно, в Юту. Как вам известно, сэр, именно в Юте находится основная релейная станция телефонной компании линий дальней связи.

Лимен внимательно смотрел на Кейси, и тот, заметив, что президент нахмурился, мысленно спросил себя, что это означает: просто сосредоточенность или это признак возникшего подозрения?

– Но что же, полковник, вы хотите сказать?

– Как я уже говорил, господин президент, мне и самому пока не ясно. Разрешите доложить о других фактах двух последних дней. Я пока не могу разобраться в них.

Лимен кивнул, и Кейси тщательно и подробно перечислил все странные мелочи, привлекшие его внимание начиная с воскресного утра. Он начал с отправленного пяти командующим приглашения принять участие в скачках в Прикнессе, упомянул об отказе адмирала Барнсуэлла и о той необычной настойчивости, с какой Скотт просил его, Кейси, сохранить все в строгом секрете. Он рассказал о встрече с сенатором Прентисом на вечеринке у Диллардов, о резких отзывах Прентиса о Лимене и похвалах его в адрес Скотта, а также о несомненной осведомленности сенатора относительно предстоящей тревоги. Кейси сообщил, при каких обстоятельствах обнаружил в полночь машину Прентиса около дома Скотта и как Скотт не только скрыл это от него, но и лгал, утверждая, будто в 10:30 вечера он уже лег в постель. Кейси упомянул и о другой лжи Скотта, заявившего, что никто в Капитолии не знает о предполагаемой учебной боевой тревоге, и обратил внимание президента на внезапное откомандирование Дорси Хафа. Затем Кейси привел неоднократные высказывания Бродерика о желательности иметь правительство, не связанное конгрессом, и сообщил об его презрительном отношении к гражданским лидерам. А разве не кажется многозначительным тот факт, продолжал Кейси, что комитет начальников штабов назначил тревогу как раз на то время, когда у конгресса начнутся каникулы, вице-президент уедет за границу, а президент будет находиться в убежище главного командования в Маунт-Тандере? Он припомнил, с каким удивлением прочитал в газете, что в субботу вечером вице-президент окажется в какой-то захолустной горной деревушке в Италии.

Когда Кейси закончил рассказ, над Белым домом опустилась глубокая ночь. Из окон можно было видеть только уличные фонари и отблески воды, бьющей из фонтана. Кейси взглянул на часы. Он говорил почти целый час.

Лимен потянулся и широкой ладонью провел по спутанным жестким волосам. Подойдя к столику, он выбрал трубку и, прежде чем закурить, некоторое время возился с ней. Наступившее молчание снова вернуло Кейси чувство неуверенности и беспокойства, и он торопливо допил из стакана остатки виски со льдом.

– Ну, а теперь, полковник, – заговорил наконец Лимен, – я хочу задать вам несколько вопросов. Вы давно работаете вместе с генералом Скоттом?

– Около года, сэр.

Лимен зажег спичку и стал раскуривать трубку.

– Вы кому-нибудь рассказывали обо всем этом?

– Нет, сэр. Поль расспрашивал меня, но я подумал, что в этой ситуации следует прежде всего переговорить с вами. Больше я ни с кем не разговаривал.

Лимен снова сел в кресло, скрестил ноги на подставке и попытался пустить несколько колец дыма. В открытые окна сильно сквозило.

– Как в самом деле Скотт относится к договору? – спросил президент. – Из его выступления в Капитолии я знаю, что он против договора; мне известно также, что в нескольких случаях он умышленно допустил утечку информации в печать. Но насколько серьезны у него такие настроения?

– Сэр, он считает договор ужасной и даже трагической ошибкой. По мнению генерала Скотта, русские обманут нас и поставят в глупое положение или же, того хуже, используют договор как ширму для внезапного нападения.

– А ваше мнение, полковник?

– Я еще не пришел к определенному выводу, – покачал Кейси головой. – Иногда мне кажется, что договор – единственный выход для обеих сторон. А иногда я думаю, что мы простофили. Вообще-то, по-моему, это касается только вас и сената. Вы заключили договор, сенат одобрил его, и я не понимаю, какое право имеем мы, военные, сомневаться в нем. Я хочу сказать, сомневаться-то мы можем, но бороться против него – никогда… Во всяком случае, не должны.

Лимен улыбнулся.

– Джигс, да? Вас так, кажется, зовут?

– Совершенно верно, сэр. – Кейси почувствовал, что спокойствие возвращается к нему.

– Вы за конституцию, Джигс?

– Знаете, господин президент… Я никогда не задавал себе такого вопроса. Конституция у нас есть, и, по-моему, неплохая. И я не из тех людей, кто заявляет, что ее надо изменить.

– Мне тоже этого не хочется, а я много размышлял о конституции. Особенно за последнее время, в связи с шумихой вокруг договора. Ну, а другие начальники штабов в комитете, как они относятся к договору, Джигс?

– Точно так же, как генерал Скотт, сэр. Все они против. Начальник штаба военно-морских сил адмирал Палмер прямо-таки из себя выходит, когда слышит о договоре.

Едва закончив фразу, Кейси почувствовал, что вот последнего не следовало говорить. Одно дело – критиковать высокопоставленного офицера среди своих, военных, другое – вне службы, со штатскими.

– Я не собирался, сэр, выделять адмирала. Все они в равной мере настроены отрицательно. Адмирал всего лишь…

– Понятно, полковник, – прервал его Лимен. – Между прочим, на сегодняшнем заседании, где, как вы утверждаете, была написана записка, присутствовали все пять членов комитета начальников штабов?

– Нет, сэр. Собственно… адмирал Палмер отсутствовал. – Кейси овладело полное смущение.

– В этом есть что-нибудь необычное?

– Нет… Хотя, пожалуй, да. Сейчас я вспоминаю, что отсутствовал даже его представитель… Я хочу сказать, нет ничего необычного в том, что кто-то из членов комитета пропускает заседание, но в таких случаях он кого-нибудь посылает вместо себя. Более того, я не знаю ни одного случая, когда бы на заседании не присутствовали представители всех видов вооруженных сил.

После недолгого раздумья Лимен, видимо, решил не вдаваться в дальнейшие детали.

– Между прочим, полковник, есть ли у Скотта особенно близкие люди в прессе и на телевидении? Вам что-нибудь известно?

Вопрос президента удивил Кейси, он взглянул на Лимена, пытаясь по выражению его лица понять, к чему тот клонит, однако президент сосредоточенно рассматривал свою трубку.

– Понимаете, сэр, – нерешительно заговорил Кейси. – Я, право, не знаю. Он знаком с некоторыми крупными комментаторами, иногда обедает или ужинает с руководителями вашингтонских бюро газет и журналов, но я не знаю, с кем из них он особенно близок. Раза два его навестил издатель журнала «Лайф», ну и, конечно, военные обозреватели газет «Сан» и «Стар». Больше никого не припомню… Впрочем, подождите. Они близкие друзья с телевизионным комментатором Гарольдом Макферсоном. По-моему, тот работает для РБК. Макфер-

сон звонил несколько раз, когда я был в кабинете у генерала; они встречаются по-приятельски. И кажется, довольно часто.

– Ну, а история со ставками? – Президент, видимо, перебирал в памяти все услышанное от Кейси. – Я не совсем понимаю, что вы хотели сказать.

– Я бы тоже не обратил внимания, если бы не все остальное. Откровенно говоря, сэр, телеграммы Скотта могут оказаться зашифрованными директивами на субботу, не имеющими никакого отношения к скачкам. Вот Барнсуэлл и дал знать, что на него пусть не рассчитывают.

Снова наступила пауза.

– Итак, что же, по-вашему, все это означает, Джигс?

– Не могу сказать с уверенностью, сэр… – Кейси замялся, подыскивая нужные выражения. – Пожалуй, то, что у нас, в военной разведке, называется «противник проводит мобилизацию», если вы меня понимаете. Все это кажется просто фантастическим, но я счел своим долгом обратиться к вам.

– Вы что, полковник, боитесь называть вещи своими именами? – с внезапной резкостью спросил Лимен.

– Нет, сэр. Но дело в том, что…

– Вы хотите сказать, что, по вашему мнению, не исключена возможность военного заговора с целью захвата власти? – с мрачным видом прервал его президент.

Слова Лимена ошеломили Кейси. Он все время гнал от себя эту мысль, а теперь она, страшная и непостижимая, была произнесена вслух.

– Видимо, да, сэр, – тихо ответил он. – Видимо, такая возможность не исключена.

– А вы отдаете себе отчет, – сурово спросил Лимен, – что вас могут разжаловать и уволить из армии за ваш сегодняшний поступок?

Теперь и Кейси весь напрягся. Жилы на его толстой короткой шее вздулись.

– Да, сэр, отдаю. Но сегодня я все тщательно обдумал, пришел сюда и рассказал. – Совсем тихо он добавил: – Конечно, я думал и о последствиях, ведь я прослужил в армии более двадцати лет.

Резкость Лимена как рукой сняло. Он подошел к маленькому бару, налил новый бокал виски и спросил Кейси, не хочет ли он выпить. Кейси утвердительно кивнул. «Вот уж когда мне действительно нужно выпить!» – подумал он.

– Вы знаете, – заговорил Лимен, – я очень высоко ценю кадровых офицеров. Наш офицерский корпус, наши профессионалы-военные служат верой и правдой, и страна отблагодарила их – посмотрите, сколько наград получили они.

Рассматривая вино в бокале и размышляя вслух, словно он был один, Лимен стал припоминать знакомых генералов и адмиралов. С уважением он перечислил боевые заслуги Скотта, Райли, Диффенбаха и признал, что Скотт – наиболее вероятный его преемник на посту президента.

Кейси почтительно слушал, отпивая виски. Он и не предполагал, что президент такого мнения о военных. Казалось, он знал о них все и не скупился на похвалы. Лимен даже рассказал анекдот о Райли, в котором сам он, президент, выглядел довольно нелепо, и Кейси смеялся вместе с ним. И все же Кейси понял, что Лимен более проницателен и осведомлен, чем ему показалось вначале.

– Возможно, наша система потому так хорошо и действует, – сказал президент, – что одаренные люди вроде Скотта и Райли находятся почти на самой ее вершине и могут применять свои таланты, оставаясь под контролем гражданских лиц, разумеется. Я прихожу в ужас при одной лишь мысли, что равновесие может оказаться нарушенным в результате необдуманных действий людей, которые потом до конца дней своих будут об этом сожалеть.

– Так же, как и я, сэр.

– Что я должен делать дальше? Вы можете дать мне какой-нибудь умный совет, Джигс?

– Нет, сэр, – ответил Кейси, чувствуя себя неловко, словно он чем-то подвел Лимена. – На этот раз я просто пасую, господин президент. Я лично не в силах предложить вам что-либо.

Президент снял ноги с подставки, медленно поднялся, что, казалось, стоило ему немалых усилий, схватил руку Кейси и крепко пожал ее. Он ничем не показал, что беседа закончилась, однако сразу же после рукопожатия Кейси обнаружил, что идет к двери.

– Я очень вам признателен, полковник, за ваш визит. Пожалуй, мне надо знать, где я смогу найти вас в случае необходимости. Вы могли бы утром позвонить моему секретарю мисс Таунсенд и сообщить, где вы будете в течение дня? Я скажу ей, что вы позвоните. Спасибо, что пришли. Большое спасибо.

– Слушаюсь, сэр. Спокойной ночи, сэр. – Провожаемый Лименом, Кейси вышел в большой холл и направился к лифту.

– Еще одну минуту, полковник. Теперь, когда вы поделились со мной своими соображениями, о них известно только нам двоим. Пожалуй, будет лучше, если я сам решу, нужно ли посвящать в них кого-нибудь третьего. Не исключая и вашей супруги.

– Я никогда не посвящаю ее в служебные секреты, сэр.

– В таком случае ваш верховный главнокомандующий только что засекретил эту беседу, – улыбнулся Лимен. – Спокойной ночи, Джигс.

Джирард встретил Кейси внизу, проводил его и вернулся в кабинет Лимена. Президент нетерпеливо ходил по комнате.

– Сначала возьми-ка стакан виски, Поль. Это тебе не помешает. Твой друг Кейси полагает, что он раскрыл военный заговор с целью свержения президента и захвата государственной власти.

– Что?! – Джирард задохнулся от изумления.

– Так он считает. Прямо-таки хунта, словно в какой-то латиноамериканской стране.

– Боже милосердный! – простонал Джирард с притворным ужасом. – Уж только бы не сейчас. У нас и без того куча неприятностей.

Отклоняя предоставленную ему возможность ответить шуткой на шутку, Лимен медленно сказал:

– Поль, я расскажу тебе все, о чем он говорил. Вначале об одной вещи, тебе следует о ней знать. С моего согласия в субботу на пятнадцать ноль-ноль назначена еще одна «Всеобщая красная» тревога – проверка боевой готовности всех вооруженных сил. Предполагается, что я буду руководить ею из убежища в Маунт-Тендере. В целях сохранения абсолютной тайны ни ты, ни другие, за исключением начальников штабов, Кейси и адъютанта Скотта полковника Мердока, до поры до времени не должны даже догадываться о предстоящей тревоге. Так вот, запомни это и теперь слушай меня.

Лимен подробно пересказал Джирарду все, что сообщил Кейси. Он показал ему смятую записку генерала Хардести, копии телеграммы Скотта и ответа Барнсуэлла, оставленные Кейси. Слушая президента, Джирард лишь глубже опускался в кресло, обхватив руками низко опущенную голову и почти сомкнув сонные глаза.

– А теперь я хочу дополнить все сказанное некоторыми деталями, известными только мне. Я ничего не говорил о них Кейси, – заявил в заключение Лимен. – Несколько месяцев назад мне позвонил командующий ПВО генерал Барни Рутковский. Мы с ним давно знакомы, и, видимо, на этом основании он считает, что может откровенно разговаривать со мной. Так вот, Барни сообщил, что командующий стратегической авиацией генерал Дэниел выяснял у него, не хочет ли он приехать в Вашингтон и переговорить со Скоттом о «политическом хаосе в стране и об ответственности военных» или что-то в этом роде. Барни спрашивал меня, как ему быть. Я сказал, что и сам не возражал бы получить совет Скотта. Барни не ответил на приглашение, и больше я об этом ничего не слышал.

Джирард дернул себя за ухо.

– Вы хотите сказать, что, по-вашему, Дэниел – один из тех, кто делает ставку в тотализаторе Скотта?

– Да. Кроме того, я обратил внимание на формулировку приглашения, полученного Барни. Дальше. Во время ленча Вине Джианелли рассказал мне, что мысль провести пятницу и субботу в горной деревушке предков и заночевать там подсказал ему Прентис. По его словам, Фред дал ему этот совет еще в пятницу на прошлой неделе. Вине согласился и внес соответствующие изменения в свои планы. Что и говорить, отличный трюк с точки зрения пропаганды, однако странно, что Прентис вдруг воспылал желанием помочь правительству и выбрал как раз тот день, на который комитет начальников штабов назначил тревогу, о чем Прентис осведомлен, если верить Кейси.

– Ну, в Кейси вы не сомневайтесь, босс. Джигс – уравновешенный, вполне положительный человек, он никогда ничего не изобретает. К тому же у него прекрасная память.

– Третье. В воскресенье на прошлой неделе я видел и слышал выступление Гарольда Макферсона по телевидению. В течение двадцати пяти минут он с пеной у рта критиковал и меня, и договор, а остальные пять минут превозносил до небес Скотта. Мне давненько не доводилось видеть Макферсона. По совести говоря, я решил взглянуть на него только из-за Дорис – она прожужжала мне все уши, все восторгалась его внешностью. Как тут было не посмотреть на этого донжуана! Надо отдать ему должное: типичный демагог, умеющий без труда овладевать аудиторией. Ни дать ни взять – современный епископ Шин или, скажем, Билли Грэхам. Потом я подумал, что почти ничего о нем не знаю, и попросил Арта Корвина потихоньку собрать необходимые сведения.

– Это вы могли бы поручить и мне, – обиделся Джирард; обычно он, а не начальник охраны Белого дома выполнял политические задания конфиденциального характера.

– Я так и собирался сделать, Поль, но, по совести говоря, забыл. Ну вот. Спустя некоторое время, к моему удивлению, Корвин доложил, что ФБР имеет довольно солидное досье на Макферсона. Он, кажется, принадлежит к нескольким группам крайне правых экстремистов. Среди членов этих групп много отставных военных. Ты знаешь, что они проповедуют?

– Да. Поголовное уничтожение всех и вся, – проворчал Джирард. – Некоторые из них впадают в бешенство при одном лишь упоминании слова «социализм» или того, что они под ним подразумевают. Если принимать их всерьез, нам остается только немедленно обвинить себя в государственной измене… и их, конечно.

– Пожалуй. Во всяком случае, Кейси утверждает, будто Скотт и Макферсон – близкие друзья, что, признаться, меня удивляет. Но если Кейси прав, следовательно, Скотт заигрывает с «бешеными».

Теперь четвертое. Сегодня днем мне звонил Скотт в связи с предстоящей тревогой. Он хочет, чтоб я отделался от журналистов в Кэмп-Дэвиде и один отправился на вертолете в Маунт-Тандер. Я ответил, что не хотел бы обижать газетчиков и собираюсь взять хотя бы одного из них. А Скотт заупрямился: тревога, говорит, должна проводиться так, словно происходит на самом деле; в конце концов, я уступил. Ты видишь, чем все это может обернуться. Я отправляюсь в убежище только с Корвином и в лучшем случае с одним-двумя телохранителями.

– Вы говорите так, – кисло заметил Джирард, – словно вам нужно захватить с собой две-три дивизии охранников, не считая агентов ФБР и вообще всех, кто умеет стрелять.

– Судя по твоей шутке, ты не веришь Кейси?

– Не подумайте, что я намекаю, будто он выдумывает. Вовсе нет. Я убежден, что Кейси говорит правду. Но я никак не могу согласиться с выводами. Я не верю, что готовится военный переворот. Это абсурд.

– Да, абсурд. Но не слишком ли много странных совпадений?

– И уж совсем фантастической кажется мне история с ок-эс-эс, или как там называет Кейси эту часть? Как ухитрился Скотт создать такую крупную базу, с таким количеством людей, снабжать их всем необходимым и прочее – все это без вашего ведома? Допустим, объект существует всего только шесть недель. Но когда же его начали строить? Выходит, сразу после подписания договора, осенью прошлого года.

– Это не так уж трудно проверить.

Джирард встал и подошел к телефону, стоявшему около полукруглой кушетки у окна.

– Правильно. А что, если позвонить Биллу Фуллертону? Он профессиональный чиновник, объективный человек и к тому же знает решительно все расходы Пентагона.

– Позвони. Между прочим, Поль, часть называется ос-ко-эс-эс.

Джирард позвонил Фуллертону – начальнику военного отдела бюджетного управления.

– Послушай, Билл, у меня к тебе одно секретное дело от самого Старика. Вы отпускаете какие-нибудь средства на некий ОСКОСС? Предполагается, что это воинская часть, около трех с половиной тысяч людей… Да, правильно… Нет, не отпускаете?

Лимен написал на клочке бумаги: «Какие-нибудь особые фонды комитета начальников штабов?» – И показал написанное Джирарду.

– А вообще-то тебе что-нибудь известно об ОСКОСС?

Выслушав Фуллертона, Джирард прикрыл трубку рукой.

– Говорит, никогда ничего не слышал, – повернулся он к президенту.

– Ну а все же есть у комитета начальников штабов какие-нибудь нераспределенные фонды? – снова обратился он к Фуллертону. – Да? И иначе никак? Ну что ж, Билл, спасибо. Надеюсь, я не стащил тебя с постели? И пожалуйста, никому ни слова, договорились? Ну пока.

Джирард положил трубку и повернулся к Лимену.

– Фуллертон ничего не знает. Между тем, по его словам, должен бы знать, поскольку именно он обязан давать заключение о целесообразности любого нового мероприятия, какой бы секретный характер оно ни носило. На случай срочных непредвиденных расходов комитет начальников штабов имеет около ста миллионов долларов, но, насколько известно Фуллертону, до денег никто не дотрагивался. Да и нельзя до них дотрагиваться без вашего письменного согласия… Черт возьми, но если на базе до трех с половиной тысяч людей, то ведь нужно не меньше двадцати миллионов в год, чтобы прокормить, одеть и содержать их!

Джирард снова налил себе стакан виски. Лимен рассеянно постукивал пальцами по бокалу, пустому еще с момента ухода Кейси, и отрицательно покачал головой, когда Джирард хотел передать ему бутылку. Несколько минут они молчали.

– Мой маленький племянник, – заговорил наконец холостяк Джирард, – сказал бы, что все получается как будто в сказке. Я никак не могу заставить себя поверить, что все это серьезно.

– Вот и у меня, Поль, неотступно вертится такая мысль, но, по-моему, правильнее исходить из предпосылки, что все, в сущности, возможно.

– Конечно. – Джирард кивнул в знак согласия.

– В общем дело может обернуться плохо, даже очень плохо, – заметил Лимен, взвешивая каждое свое слово.

– Может, босс, может.

– Я рад, что наши мнения совпадают и мне не придется тебя убеждать.

Лимен подошел к окну, выходившему на южную лужайку, распахнул дверь рядом с ним и вышел на балкон. В ночном воздухе была разлита чудесная свежесть. Лимен посмотрел на огромный обелиск в честь Вашингтона – хорошего генерала, ставшего хорошим президентом. Он знал, что за магнолиями справа высится памятник Линкольну – хорошему президенту, у которого были неприятности (боже, а разве у него их нет?) с плохими генералами. Слева, в

сторону от Мэлл, стояла не видимая во мраке статуя Гранта, очень хорошего генерала, оказавшегося очень плохим президентом…

Лимен вернулся в кабинет, где его ждал Джирард, и продолжал так, словно не делал паузы:

– И пожалуй, Поль, лучше не будем убеждать друг друга, иначе может оказаться, что мы заблуждаемся, а уж тогда проще простого попасть в неловкое положение.

– Хорошо. Так и сделаем. Что же дальше?

– Если все рассказанное Кейси соответствует действительности, то до субботы у нас остается только четыре полных дня. Сегодня уже поздно что-либо предпринимать. Нужно начинать утром. Если все подтвердится и мы сумеем предотвратить удар… что тогда?

– Очень просто. Вы уволите всю банду и отдадите их под суд за измену.

– Нет, не думаю, – Лимен покачал головой. – Не при моем правительстве. Да и вообще ни при каком. Подобный процесс глубоко расколол бы нашу страну… Ну что ж, думай, думай. Утром встретимся.

– Спокойной ночи, господин президент. Спите спокойно. Возможно, все объяснится очень просто, и мы потом как следует посмеемся над собой.

– Возможно, – ответил Лимен, пожимая плечами. – Спокойной ночи, Поль.

Президент остался наедине с Триммером. Он ослабил галстук, несколько раз прошелся взад и вперед и снова вышел на балкон. Балкон Трумэна. В этом доме все напоминало о прошлом. В углу кабинета стояла одна из качалок Джона Кеннеди, соломенное сиденье и деревянная спинка которой были прикрыты желтой парусиной. Лакированный с инкрустациями большой письменный стол на суживающихся книзу ножках в свое время принадлежал Монро. У дверей в спальню стояли два флага – национальный и личный штандарт президента. С тех пор как во времена Эйзенхауэра Гавайские острова стали пятидесятым штатом, новых звездочек на национальном флаге не прибавилось.

«Какой одинокий дом, – подумал Лимен. – Слишком большой и слишком пустой; дом, где человек не может уединиться и подумать без вмешательства прошлого. Вдобавок ко всему этот дом принадлежит не мне».

С балкона Лимен видел то гаснущие, то вспыхивающие огни фар, когда водители огибали высокую чугунную ограду вокруг лужайки, на которой стоял Белый дом. Как всегда, проезжая мимо, шоферы замедляли ход, надеясь, несмотря на позднее время, увидеть, хотя бы мельком, кого-нибудь из его обитателей.

Фантастично! Только так и можно охарактеризовать историю, рассказанную Кейси. Вопреки уверениям Джирарда, Лимен спрашивал себя, в своем ли уме этот человек? Но Кейси и в самом деле вел себя как нормальный человек. Смущение и скованность? Так ведут себя первый раз и все другие посетители… Пожалуй, он выглядел даже слишком обычным посетителем. Может, это какой-нибудь двойной трюк Скотта, чтобы поймать его в ловушку, а затем выставить на посмешище перед всей страной и дискредитировать договор? Нет, такое объяснение чересчур неправдоподобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.